

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 44

1987

Юрий ПЕСИКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ!

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 44

Юрий ПЕСИКОВ

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ!

РЕПОРТАЖИ ЖУРНАЛИСТА-ИСТОРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Юрий ПЕСИКОВ

Песиков Юрий Вениаминович родился в 1935 году. В печати — с 1959 года. Трудовую деятельность начал в Татищевской районной газете Саратовской области. С 1962 года постоянно живет в Саратове. Работал в местной газете «Заря молодежи», в последние годы — в Саратовской областной газете «Коммунист».

Песиков на протяжении многих лет ведет поиски редких исторических материалов. На его счету немало находок, которые он разрабатывает, исследует. Он обнаружил в архивах материалы о «Саратовском Совете защиты голодающих детей красных столов» — организации, действовавшей в первые годы Советской власти. Разыскал и впервые опубликовал ранее неизвестные документы В. И. Ленина, свидетельствующие о том, какое большое внимание уделял Владимир Ильич этому «Саратовскому Совету...».

С 1964 года Песиков сотрудничает в «Огоньке». Лауреат премии «Огонька» за 1984 год. Печатается также в «Правде», «Известиях», «Неделе», «Сельской жизни», «Пионерской правде», журналах «Волга», «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия», «Советы народных депутатов», «Пионер». Автор книг «Пионерка Валя Макеева», «Просьба Ленина», «Встреча с юностью», «Товарищ Вильямс».

ПИСЬМО ИЛЬИЧА

В 52-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина опубликовано письмо Ильича Бакурской волостной организации РКП(б).

У этого письма волнующая история.

...Весной 1919 года в селе Бакуры Саратовской губернии появился новый житель. Конечно же, сельчанам не терпелось узнать: кто он, откуда и зачем пожаловал в эту глушь? Тем более что в поведении новичка замечалась некоторая странность. Говорит с кем-нибудь и вдруг оборвет речь на полуслове, схватится за голову, сморщит лицо... Понимали — неспроста это. Он не любил о себе рассказывать. Но постепенно дознались, что приезжий воевал с белыми, с кулачем, где-то попал в беду.

Вскоре в его адрес прибыли по почте несколько ящиков в плотной упаковке. Там были книги, сотни книг: труды Ленина, произведения Горького, Чехова, пьесы Островского.

Иван Петрович Турунен — так звали приезжего. Родом он был из Карелии. Сын безземельного крестьянина. Иван с двенадцати лет пошел «в люди»: батрачил, пас скот, работал в лавке, на железной дороге. В 1904 году подался в Питер, поступил на завод, в январе 1905 года стал свидетелем печально знаменитых кровавых событий. Юношу до глубины души потрясла жестокость самодержавия. Он сближается с большевиками, выполняет первые поручения: проносит на завод партийные прокламации и незаметно раздает их рабочим.

В апреле 1906 года Турунена арестовала полиция. Позднее в автобиографии он вспоминал, как его там «воспитывали»:

«Городовые били меня по лицу, потом казак стегал нагайкой, приговаривая: «Кажу тебе десятину пахоты, кажу тебе десятину луговой, кажу тебе десятину с лесом». После этой порки я три недели не мог прилечь на спину. И потом еще долго на теле видны были следы нагайки. Когда товарищи спрашивали, откуда шрамы, я отвечал: «Это первое боевое крещение плюс аграрная программа, начертанная полицией».

К моменту штурма Зимнего Турунен уже был членом большевистской партии. А с января 1918 года он член Петергофского Совета, руководитель районного штаба Красной гвардии. В феврале, когда немецкие

империалисты двинулись на Петроград, молодой коммунист вместе с другими с оружием в руках защищает красную столицу.

Затем — Восточный фронт. Питерца назначают военным комиссаром в Канабековскую волость. И поныне сохранился мандат того времени. В нем сказано: «Предъявитель сего Турунен Иван является действительно командированным от Пермского уездного военного комиссариата как военный комиссар в Канабековскую волость, которому даются широкие полномочия...»

В Канабекове путиловец быстро сошелся с крестьянами, горячо призывал их вступать в Красную Армию. Но не дремали и кулаки. Однажды окружили плотной стеной, сшибли предательским ударом сзади... Когда очутился в госпитале, там насчитали восемь ран на голове. Пришлось сращивать и переломанные ребра.

После госпиталя — снова Питер. Но работать не мог: не позволяло плохое состояние здоровья. А в городе в то время давали осмущку хлеба на день. Друзья решили послать Ивана Петровича в богатое хлебом Поволжье. Удостоверение, которым его снабдили, гласило:

«Дано сие Нарвско-Петергофским районным Совдепом тов. Турунену в том, что он, будучи уволен в отпуск по болезни после полученного им сильного ранения в голову на Уральском фронте, был вызван исполкомом Совета в Петроград и в настоящее время едет в Саратовскую губернию. Посему Нарвско-Петергофский районный Совдеп просит железнодорожные организации и пр. оказывать тов. Турунену в пути всякое необходимое содействие».

...В Бакурах до последнего времени жил бывший заместитель председателя волостного исполнительного комитета Иван Васильевич Сиротин. Он отлично знал Турунена, хорошо помнит события первых лет Советской власти.

— Оказавшись с семьей в Бакурах, Иван Петрович сразу же пришел в волисполком, — рассказывает Сиротин. — Предъявил документы, попросил помочь ему устроиться с жильем. Мы его встретили тепло, сердечно, предоставили добротную избу.

Питерский коммунист не терял времени даром. Он быстро вошел в жизнь села, подружился с активистами. Постепенно поправилось здоровье. Люди постарше потянулись к нему за советом, мало-мальски грамотная молодежь — за книжками. Позже он организовал самостоятельный театр. Сам инсценировал рассказы Чехова, ставил сцены из пьесы Горького «На дне».

Познакомившись поближе с Туруненом, коммунисты избрали его секретарем волостной партийной организации, а бакурские крестьяне — депутатом Совета. Забегая вперед, нужно сказать, что депутатские полномочия ему возобновлялись на каждых новых выборах. Кроме того, он избирался в уездный и губернский Советы, был членом губисполкома. В этом доверии, несомненно, сыграли большую роль личные качества Турунена — его бескорыстие, классовая непреклонность. Но проглядывало здесь и нечто большее, можно сказать, знамение времени:

трудящиеся крестьяне все больше проникались доверием к передовому рабочему классу, к ленинской партии большевиков.

Иван Турунен пользовался предоставленными ему правами разумно и с достоинством. Этим он тоже расположил к себе сельчан. Чего греха таить, в те времена у иных людей, облеченных властью, кружились головы, нередко, не разобравшись в обстоятельствах, они допускали непростительные ошибки. Турунен был рассудителен. Он, конечно, надеялся и на себя, на свой ум, на свое классовое чутье. Но главное — опирался на актив, на тех людей, с которыми предстояло строить новую жизнь. По воспоминаниям И. В. Сиротина, Турунен как партийный руководитель оказывал большое влияние на работу волостного Совета.

Обстановка в то время была сложной. В городах голодали рабочие. Стране нужен был хлеб, а его припрятавали кулаки и спекулянты. Партия и правительство были вынуждены ввести продразверстку.

Случилось так, что продагентами в Бакурской волости оказались люди, которые своими действиями компрометировали Советскую власть. Один из них, Анашкин, конфисковывал у крестьян мясо, потом раздавал его своим друзьям. Темные дела Анашкина были вскрыты волостным партийным собранием и немедленно доведены до уездного руководства. В уезде агента арестовали, но через несколько дней выпустили. Это сельским коммунистам показалось подозрительным. А тут подоспел еще один случай: продагент Филимонов устроил пьянку с кулаками Горшениными. Когда об этом сообщили Турунену, он тут же поспешил в волисполком. Вместе с заместителем председателя исполкома Сиротинным вызвали агента. Тот прикинулся овечкой, умолял дело замять. Его под конвоем отправили в уезд. Однако там Филимонова не только освободили, но и оставили на прежней работе. Турунену и другим бакурским активистам стало ясно: у негодяев-агентов в уезде своя рука.

А на конец января 1921 года были назначены выборы в Совет. Воспользовавшись тем, что продагенты вызывают недовольство среди трудового крестьянства, зашевелились кулаки. Они уже потирали руки, надеясь, что им удастся протасовать в волостной Совет своих.

Да, в нелегкой ситуации оказались коммунисты глухой деревни. Вот любопытное свидетельство сына И. П. Турунена Виктора Ивановича, жившего вместе с отцом:

«Во всех сложных переплетках классовой борьбы я, конечно, тогда не разбирался, но часто слышал и помню, как местные коммунисты при рассказах о самоуправстве таких «продработников» и некоторых других лиц, наезжавших в деревню, то горестно вздыхали, то возмущались:

— Это же преступление! — восклицал Муратов, один из сельских коммунистов. — Они позорят Советскую власть! До каких же пор мы будем сносить это?..

— Они льют воду на кулацкую мельницу, это так, но что же мы делаем? У них в уезде, видно, сильная рука есть... — отвечали ему товарищи.

— Если уком не считается с нами, — теребя длинную бороду, рассуждал коммунист Ловягин, — то надо идти дальше. Если губком все передает на расследование в Сердобск, а там кто-то замазывает, то обратимся выше — к самому Владимиру Ильичу.

...В один из суровых декабрьских дней в комнате, битком набитой крестьянами, читали письмо, написанное коммунистами В. И. Ленину. Но главную надежду возлагали на личный рассказ Владимиру Ильичу и потому моему отцу, выбранному ходоком, наказывали:

— Ты ему все как есть начистоту доложи. Он все зараз поймет, что к чему...

К словам сына Турунена следует добавить, что сам Иван Петрович не хотел ехать в Москву. Он говорил, что Ленин и так перегружен важнейшими государственными делами, ему не до бакурцев, но коммунисты настояли, и ходок отправился к Ильичу.

Когда он вернулся, его засыпали вопросами:

— Ну, как Ильич?

— Как здоровье товарища Ленина?

— Что он тебе ответил?

Турунен только развел руками:

— Эх, братцы! Не довелось мне видеть Ленина.

Затем добавил, что из-за болезни вождя не попал к нему, но письмо оставил в приемной Совнаркома. Потом побывал в Наркомземе.

Минуло еще немного времени. Как-то в селе остановилась подвода. Незнакомый возница (это был мужчина огромного роста в белом полушубке, в сапогах) окликнул первого встречного.

— Скажите, пожалуйста, где Турунен?

— Он на собрании, — был ответ.

Действительно, в это время проходило собрание по перевыборам Совета.

Приезжий поспешил туда:

— Я курьер из Кремля. — Попросил у Турунена партбилет и внимательно просмотрел его. — Я привез письмо от Ленина. Пусть еще несколько товарищей убедятся, что письмо не вскрывалось. И, пожалуйста, товарищ Турунен, распишитесь в получении.

Весть о том, что Ильич прислал письмо, мигом облетела всю деревню. В помещении были выдвижные перегородки, их убрали. И все же оно не могло вместить всех желающих. Иван Петрович распечатал пакет, увидел подпись «В. Ульянов (Ленин)» и, сильно волнуясь, стал читать:

«Саратовская губ., Сердобский уезд, Бакурская волость

Бакурской волостной организации РКП

Копия Саратовскому губпарткому и губисполкому

Дорогие товарищи!

Секретарь Вашей организации тов. Турунен передал мне в письменном виде, что Вы по просьбе крестьян постановили через него довести до моего сведения о контрреволюционных действиях в Вашей волости

некоторых продработников, которые творят издевательства над неимущими, грабят в личную пользу, поощряют выкуривание самогона, пьянствуют, насилуют женщин, провоцируют Советскую власть и т. п. Вы просите отсюда из Москвы ликвидировать эти контрреволюционные действия. Но бороться всеми своими силами на местах с контрреволюцией, это — одна из самых главнейших задач местных партийных организаций, в том числе и Ваша. Ваш долг и обязанность добиться путем сношений с уездпарткомом, а если это не поможет, с губпарткомом, ареста и предания Ревтрибуналу таких контрреволюционеров и мерзавцев, о которых Вы сообщаете.

Что Вами было сделано в этом направлении?

Во второй части письма тов. Турунен приводит Ваши соображения о том, что Советская власть, чтобы выйти из хозяйственной разрухи, должна некоторое время опираться на крестьянство, как на костыль. Это совершенно верно. Об этом сказано в нашей партийной программе и в постановлениях партийных съездов. На последнем VIII Всероссийском съезде Советов вопрос о поднятии сельского хозяйства рассматривался очень подробно и тщательно, и съезд принял важные практические постановления, которые Вам на местах нужно будет проводить в жизнь по указаниям губернских органов.

Постановления эти были напечатаны в газетах. Кроме того, тов. Турунен привезет Вам некоторые дополнительные материалы, которые он получит в Наркомземе, куда он от меня был направлен.

С коммунистическим приветом. Председатель Совета Народных Комиссаров

*В. Ульянов (Ленин)*¹.

Когда Турунен кончил читать, раздался гром аплодисментов. Иван Петрович понимал, что каждому хочется своими глазами увидеть ленинский почерк. И он понес письмо по рядам...

Ленинское послание оказало влияние сразу же — и на ход собрания, и на результаты выборов. До наших дней сохранилась местная газета, писавшая, что после прочтения письма «собрание стройно и организованно продолжало вести переборы...».

Курьер, доставивший бесценное письмо, присутствовал здесь же. Кто-то из крестьян, присмотревшись к нему, заметил:

— Негоже гостю от самого Ленина в такой мороз ходить в сапогах.

— Дать товарищу валенки! — послышалось со всех сторон.

Председательствовавший на собрании Турунен усмехнулся:

— Мужики! А найдутся ли в селе валенки такого размера?

Глянули присутствующие на богатыря-курьера: раздобыть для него валенки — задача не из легких.

Решили так: поручить волисполкому принять срочные меры. В тот же день в волисполком были приглашены лучшие валяльщики Тарас

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том 52, стр. 52—53.

Иванович и Павел Ефимович Криюлины. Они сказали: «Сделаем» — и за одну ночь скатали валенки большого размера. Плату взять отказались.

Курьер был обрадован неожиданным подарком, сердечно благодарил мастеров. (К большому сожалению, фамилию его никто из живущих в Бакурах не запомнил.)

Но вернемся к ленинскому письму. Оно обошло всех, кто был на собрании. Крестьяне бережно брали его, рассматривали, передавали дальше. Тут же вспыхивали разговоры, как лучше строить работу своей местной власти, как бороться с беспорядками. Под конец собрание единодушно решило: послать приветствие и благодарность дорогому вождю, заверить его, что трудовые крестьяне навсегда с Советской властью.

Такое приветствие, написанное по поручению собрания Турунеом, было Ленину послано. В нем говорилось, что ленинские указания дали «живую воду местному крестьянству, уверенность волостной организации РКП в ее правильных революционных действиях...».

Разумеется, по письму Ленина губернские и уездные партийные и советские органы приняли меры. Но не только это вдохновило бакурских коммунистов и всех трудящихся крестьян. Ленинские слова призывали к самостоятельности, инициативе, к полному и повсеместному осуществлению власти трудового народа. Не уповать целиком на всемогущество директив из центра, а засучив рукава самим налаживать новую жизнь, бороться с кулаками и их пособниками, самим управлять, самим контролировать — вот главное, что унесли с собой бакурские крестьяне с того незабываемого собрания, на котором зачитывалось ленинское письмо.

КЛАД

В начале нашего века на Волге, в Саратове, жил человек по имени Кузьма Кузьмич. Кузьма Кузьмич собирал монеты «времен очаковских и покоренья Крыма» — монеты старинные, преимущественно золотой и серебряной чеканки. Правда, он отнюдь не принадлежал к типу бескорыстных нумизматов. Старинными монетами он торговал. Однажды утром — это было 4 февраля 1903 года — обнаружил: многие монеты исчезли! Тут же побежал в полицию и...

О том, как дальше развивались события, повествуют полицейские документы:

«В краже был заподозрен дворянин Владимир Леонидович Шмидт, проживающий со старшим братом Платоном в доме № 54 по Камышинской улице... Владимир Шмидт сознался в краже денег и объяснил, что зарыл их в снегу во дворе своего дома, ввиду чего в 4 часа дня того

же 7 февраля заведующий сыскной частью прибыл в дом Шмидта, где и разыскал краденое в указанном месте».

Но неожиданно для полицейских ищек в непосредственной близости от клада с монетами был найден клад иного рода.

В документе сказано, что в том же дворе, в снегу «был усмотрен торчавший конец какого-то свертка в желтой клеенке».

Когда сверток вскрыли, ахнули: в нем — революционные издания и рукописи явно антиправительственного содержания. Немедленно был составлен протокол и вместе с найденными газетами, брошюрами препровожден начальнику Саратовского губернского жандармского управления.

Какая же нелегальщина легла на стол шефа саратовских жандармов?

Это несколько номеров газеты «Искра». Известно, что на страницах «Искры» было напечатано свыше 50 статей В. И. Ленина. Ленинские работы — и в номерах «Искры» из найденного свертка.

Кроме того, в свертке оказалось и нелегальное издание работы «Аграрная программа русской социал-демократии» за подписью «Н. Ленин», видимо, сгектографированное из журнала «Заря». Боевой марксистский журнал «Заря», выходивший в Штутгарте в 1902 году, по праву называют младшей сестрой «Искры». В 4-м, последнем номере за 1902 год журнал поместил ленинскую «Аграрную программу русской социал-демократии».

В свертке были и другие материалы: гектографированное революционное воззвание «От частного комитета по устройству чествования двухсотлетия периодической русской печати», книжка Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия».

Когда сверток с документами лег на стол начальника губернского жандармского управления полковника Померанцева, тот чуть не завизжал от восторга. Вот это улов! Одна «Искра» чего стоит! А нелегальное издание работы за подписью социал-демократа Ленина? Бывает же такое! Искали какие-то монеты. А нашли оружие! Да, да, оружие революционеров — их книги, статьи, воззвания.

Многоопытному жандармскому служаке было ясно, что у случайного человека подобный сверток вряд ли бы мог оказаться — значит, агенты напали на след крупного деятеля социал-демократической партии. Кто он? На протоколе обыска полковник написал: «Завести дело». Шпикам, явным и тайным осведомителям было приказано: установить имя владельца клада, немедленно арестовать его.

Померанцев представлял себе заранее, как он будет здесь, в своем кабинете, допрашивать революционера — двумя-тремя точными, умело поставленными вопросами вытянет все: по каким каналам «Искра» попадает из-за границы на Волгу, в Саратов, кто автор рукописей, кто входит в местный социал-демократический комитет, явки, пароли.

Дело пока продвигалось с точностью часовой стрелки. Весьма быстро, без особых хлопот охранка установила имя владельца крамольного

свертка. Платон Шмидт, хозяин дома, во дворе которого обнаружили клад нелегальной литературы, «тотчас же заявил, что сверток, скорее всего, принадлежит их квартиранту, мешанину Галкину, занимающему у них отдельную комнату». В донесении жандармского офицера полковнику Померанцеву поясняется, почему подозрение пало именно на квартиранта Галкина:

«В день обнаружения во дворе дома Шмидта упомянутого выше свертка был получен агентурным путем собственноручный почерк Галкина, схожий с почерком, которым писаны оказавшиеся в свертке рукописи».

Еще доказательство: Галкин работал фельдшером ночлежного дома, и у него всегда находилась под рукой желтая английская клеенка, употребляемая для компрессов. Как раз этой клеенкой-то и были обернуты революционные издания. И наконец, когда голубые мундиры «прокручивали» события, происшедшие 7 февраля 1903 года, то есть в день обнаружения свертка, выяснилось, что агент полиции столкнулся с Галкиным буквально нос к носу.

В тот день утром в дом Шмидта пришли двое. Один приказал Владимиру Шмидту следовать за ним в полицейское управление для допроса, другой же остался в квартире для наблюдения. Буквально через несколько минут на пороге дома появился пожилого вида человек с усталым приветливым лицом. Он снял пальто, отряхнул снег, тепло поздоровался с агентом, с хозяином дома и медленно, вразвалочку прошел в маленькую комнату. Агент насторожился. Однако хозяин успокоил его: это-де квартирант, фельдшер Галкин, человек трезвый, тихий, живет здесь давно, ни в чем предосудительным не замечен.

А Галкин, побыв с полчаса в комнате, незаметно вынес оттуда сверток и спрятал его во дворе. Он знал о пропаже денег у Кузьмы Кузьмича — торговца старинными монетами, знал, что в краже заподозрен брат хозяина дома. Естественно было ожидать обыска в квартире.

...Имя Владимира Филипповича Галкина было известно охране за долго до истории со свертком.

Еще в конце 1902 года до жандармского управления дошли слухи: какой-то интеллигент по имени-отчеству Владимир Филиппович читает в 5-й городской амбулатории лекции для рабочих на общественно-политические темы, в коих нелестно отзывался о властях. Рабочие поговаривали, что этот лектор пробыл десять лет в далекой ссылке в Сибири. Слухи подтвердились: действительно, фельдшер Владимир Филиппович, читавший лекции для рабочих, был видный революционер, социал-демократ. Он приехал в Саратов из Верхоянска. Полиции было известно, что Галкин проходил по делу о Южной народовольческой организации, суд приговорил его к восьми годам ссылки в Сибирь, но когда срок ссылки подходил к концу, Галкин от присяги царю отказался. Это обошлось революционеру дорого: ему прибавили еще два года. Заметим, что как раз в ссылке народовец Галкин, продолжая изучать революционную теорию, самостоятельно пришел к марксизму.

Итак, вскоре же по приезде из Сибири в Саратов за ним был учрежден негласный надзор полиции.

В досье, заведенном ранее на Галкина, был даже дневник наблюдения за ним. Однако фельдшера долго ни в чем предосудительном не замечали. Внимание полиции притупилось. И вот сейчас начальник саратовской жандармерии, спохватившись, приказал немедленно устроить засаду у дома, где снимал комнату Владимир Филиппович, у ночлежного дома, где он врачевал, у квартир его друзей и знакомых — «на предмет безусловного ареста Галкина». Но тот не приходил ни домой, ни на работу, не появлялся он и у своих знакомых, известных охране.

Разыскали сестру Галкина, Розу Филипповну, и та «пояснила»: брат уехал из Саратова, но куда, она не знает. Вскоре и сама Роза Филипповна из Саратова исчезла. В комнатке, которую снимал Галкин в доме Шмидта, висело фото: на нем большая группа людей и среди них — Галкин. Фото тоже исчезло.

Полковник Померанцев вынужден был доложить директору департамента полиции в Петербург, что Галкин «скрылся из города Саратова неизвестно куда».

Досье на Галкина было послано в департамент полиции для «привлечения его к дознанию». И по всей Российской империи принялись разыскивать революционера Галкина. Вскоре схватили Галкина близ города Ковно. Но на дознании выяснилось: сей Галкин лишь однофамилец Владимира Филипповича.

А в это время беглец из Саратова держал путь в Брюссель, где собирався II съезд РСДРП. Именно саратовская социал-демократическая организация избрала его делегатом съезда. В Брюсселе, а затем в Лондоне, куда переместились заседания съезда, Галкин, фигурировавший на съезде под псевдонимом Горин, попадает, как и другие делегаты, в поле зрения заграничной агентуры (так назывался центральный орган русской политической полиции за границей).

Из донесений шпииков и провокаторов в Петербурге в департаменте полиции уже завели «дело» о Втором съезде РСДРП, его участники были взяты под особый контроль.

Тем временем Горин-Галкин тяжело заболел. Друзья-большевики пристроили его на лечение в санаторий близ Берлина. Владимир Ильич Ленин проявил трогательную заботу о Владимире Филипповиче. В августе 1904 года в Саратов приходит депеша из департамента полиции:

«Секретно... По полученным из агентурного источника указаниям, в Берлинском санаториуме находится на излечении социал-демократ Галкин из Саратова, присутствовавший на втором съезде Российской Социал-Демократической партии под именем Горина...»

В этом документе руководитель департамента полиции предлагал «выяснить деятельность и сношения названного Галкина за время проживания его в Саратове, а равно установить, по какому паспорту он выбыл за границу...».

На депешу последовал ответ:

«Секретно... Доношу Вашему Превосходительству, что находящийся на излечении в Берлинском санаториуме Галкин, присутствовавший на втором съезде РСДРП, есть несомненно разыскиваемый циркуляром Департамента Полиции от 1 мая 1903 года мешанин Владимир Филиппович Галкин...»

В истории нашей партии он известен как Горин-Галкин. На историческом II съезде РСДРП саратовский делегат — «искровец большинства». По всем основным вопросам, обсуждавшимся там, он поддерживал В. И. Ленина.

По предложению В. И. Ленина саратовский делегат был выдвинут в комиссию по редактированию и изданию протоколов II съезда РСДРП, ставших впоследствии одним из основных источников изучения истории образования нашей партии.

КТО ТАКАЯ «ЕЛ. ИВ.»?

В 1978 году в Москве вышла книга «О Ленине и семье Ульяновых». В ней собраны воспоминания, очерки, письма Марии Ильиничны Ульяновой. В одном из писем, отправленном из вологодской ссылки в Саратов 21 января 1913 года, Мария Ильинична сообщала своей старшей сестре Анне Ильиничне: «...Ел. Ив. ответила».

Мария Ильинична зашифровала имя одного из своих саратовских друзей, она понимала: письмо могут перехватить жандармы, а это может причинить неприятности близкому человеку.

Кто же такая «Ел. Ив.»?

До последнего времени это не было известно. В книге есть сноска составителей: «О ком идет речь, установить не удалось».

Меня очень заинтересовала моя землячка, хотелось узнать о ней как можно больше. Прежде всего я поинтересовался: не встречается ли «Ел. Ив.» еще в переписке Ульяновых? 27 ноября 1912 года Мария Александровна Ульянова писала своей дочери Марии Ильиничне из Саратова в Вологду: «Была... Ел. Ив., хотела узнать, как ты живешь, шлет тебе поцелуй». В декабре того же 1912 года Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала Марии Ильиничне: «Были... Ел. Ив. с супругом».

В этом же письме: «Соня не пишет ни мне, ни Ел. Ив.». «Соня» — это одна из старейших большевичек, член РСДРП с 1898 года Софья Николаевна Смидович. Очевидно, что все трое знали друг друга. Позднее Анна Ильинична жила в Петрограде, Мария Ильинична — в Москве.

В письме, помеченном 6 сентября 1915 года, старшая сестра писала младшей: «...Не могу как-то сосредоточиться, и Ел. Ив. пишу лишь сегодня». Как видим, «Ел. Ив.» — близкий человек семьи Ульяновых. Они долго дружили с ней. Кто же «Ел. Ив.»? Я перечитал множество воспо-

минаний о семье Ульяновых, встречался с людьми, знавшими их по Саратову, годами изучал архивные материалы.

Очень важные документы я нашел в Саратове, в областном государственном архиве в «делах» бывшего Саратовского губернского жандармского управления. Начальник этого управления, зорко следивший за письмами М. И. Ульяновой в Саратов, 12 января 1913 года докладывал своему вологодскому коллеге о «полученном агентурным путем совершенно секретном документе за подписью «Ваша Маня».

Он писал: «Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что автором его (документа. — Ю.П.) является Ульянова Мария Ильинична, занимавшая центральное место в Саратовской Социал-Демократической Группе... и высланная в Вологодскую губернию».

Совершенно секретный документ (так именовали жандармы письмо Марии Ильиничны Ульяновой) был послан по адресу: «Саратов, Мало-Сергиевская ул., дом № 7, Елизавете Ивановне Андреевой». На конверте почтовый штампель: «Вологда, 6.1.13». А в уже цитированной выдержке из письма Марии Ильиничны Анне Ильиничне, помеченного 21 января 1913 года, сказано: «Ел. Ив. ответила», то есть Елизавета Ивановна ответила. Видимо, речь об этом ответе.

«Голубые мундиры», перехватившие письмо Марии Ильиничны к Елизавете Ивановне, сделали только выписки из него. Само же письмо они запечатали снова в конверт и отослали ничего не подозревавшей Елизавете Ивановне.

Вот что хранится в Саратовском областном архиве:

«...Получила сегодня Ваше милое письмо (...«текст, не имеющий значения» — это вписано жандармским офицером. — Ю. П.)...Есть тут старичок — Околоток, которому поручено смотреть за всеми ссыльными и которых он всех знает в лицо. Но по домам он, по-видимому, ходит редко, так как город небольшой и обыкновенно хоть раз в неделю да встретишься с ним на улице».

Далее опять вписано жандармом — «текст, не имеющий значения».

Как видим, письмо скопировано далеко не полностью. Многие строки показались жандармам «не имеющими значения». Какая досада! Ведь для нас каждое слово из писем членов семьи Ульяновых бесценно!

Как же реагировал на послание главы саратовских жандармов его вологодский коллега? Он доносил в Саратов: «Автором секретного документа за подписью «Ваша Маня» (подчеркнуто красным карандашом. — Ю. П.) является действительно состоящая в городе Вологде под гласным надзором полиции дочь действительного Статского Советника Мария Ильинична Ульянова (подчеркнуто красным. — Ю. П.), высланная в Вологодскую губернию за принадлежность к Саратовской группе РСДРп-партии на три года, с 20 сентября 1912 года. Старичок Околоток, о котором упоминается в указанном документе, это околоточный надзиратель Вологодской городской полиции Кутин назначенный специально для надзора за ссыльными».

Теперь вернемся снова к Елизавете Ивановне Андреевой. В одном из биографических справочников об участниках революционного движения я увидел ее краткую биографию. Елизавета Ивановна родилась на Волге, в городе Хвалынске Саратовской губернии, в семье учителя. Получила среднее образование. С начала 80-х годов прошлого века участвовала в деятельности революционной организации «Народная воля» в Саратове. В 1898 году в Москве вступила в ряды РСДРП. В 1901 году ее арестовали в Москве, бросили в Бутырскую тюрьму, где она томила полгода. По выходе из тюрьмы она возвращается в Саратов, работает в Управлении Рязанско-Уральской железной дороги. Принимает активное участие в революции 1905 года.

В 1934 году, когда была напечатана эта биографическая справка, Елизавете Ивановне шел 78-й год. Как сложилась в дальнейшем ее судьба, неизвестно. А выяснить это очень важно. Вероятно, она и после революции поддерживала связь с Ульяновыми. Возможно, в личных архивах ее родных, близких остались письма Ульяновых, воспоминания об их жизни, деятельности в Саратове. Да и сама Елизавета Ивановна Андреева — человек, бесспорно, интересный.

ЗА ПОДПИСЬЮ «ТВОЙ М.»

В конце мая 1912 года жандармы перехватили письмо, посланное из Сызрани в Саратов по адресу: Угодниковская, 26.

Здесь жили, как говорится в одном из ее документов, сестры «известного социал-демократа Ульянова (Ленина)».

Письмо из Сызрани было перехвачено после ареста Анны Ильиничны и Марии Ильиничны. Вот его текст:

«Милая Аня! Сегодня приехал утром в Сызрань, и при мне пришла телеграмма о моем возвращении. Это было очень приятно прочесть, о чем я и телеграфировал. Теперь я опять уеду и вернусь в воскресенье, а в понедельник рассчитываю выехать в Астрахань, если Пташкины не изменят моего плана. Очень буду рад, если ты в Саратове присоединишься ко мне хоть до Царицына. Можно будет с мамой остаться на это время Наде, которая все равно должна будет дожидаться документов своих из гимназии, если только выдержит экзамены благополучно, в чем едва ли можно сомневаться. Я тебе дам телеграмму, когда решу окончательно ехать, а если, по каким-либо соображениям, туда ехать не придется, то хорошо бы с тобой повидаться хоть здесь. В Самаре есть одна ликвидация, м(ожет) б(ыть), меня направят туда. Тогда там придется застать надолго. Пиши (только поскорей) о твоих планах. Как-то ты себя чувствуешь, моя дорогая? Как твоё здоровье? Не слишком ли тяжело уж это было для тебя? В Самаре мы виделись с Пташкиным и говорили обо

всем. Ты можешь повидаться с ним и сказать ему о вредности для меня саратовского климата. — Все это мы объясняем «предвыборной чисткой». Это для него самая удобная позиция, и он согласился мне давать поручения только вне Саратова. Был очень любезен. Скажи ему, что я пишу с какой-то станции. Он мне должен давать все распоряжения через Сызрань. Но моего настоящего адреса не должен знать. Так лучше. А то у нас на службе есть подозри(тельные) экз(емпляры). О чем спрашивали Ле-в? Как здоровье мамы? Я боюсь, чтобы для нее даже и радостное потрясение твоего возвращения не было бы слишком тяжелым. Что известно о Мане? Здесь теперь только маменька. Витя держит экзамен за 6 кл. реального училища и Костя за 1 кл. гимназии. А остальные все в разъезде — брат в Казани. Иван и остальные все ребята с Надей и ее ребятами в Бестужевке. Разъездами я не утомился. Боялся только за твое здоровье. Ничего не писал никуда, так как решил, что никакой пользы от этого не будет. Писал Ив. Ник. и Б-рам, но ответа нет. Нет ли в Саратове? Затем, прощай. Будь здорова. Очень хочется поскорее повидаться. Отдыхай и так ли, сяк ли увидимся. Привет маме и Наде.

Твой М.»

Кто человек, скрывавшийся под псевдонимом «твой М.»? Агенты охраны выяснили: это известный большевик, муж Анны Ильиничны Марк Тимофеевич Елизаров. За ним давно велась слежка. Филеры пытались уследить за каждым его шагом.

В письме есть фраза: «Не слишком ли тяжело уж ЭТО было для тебя?» Здесь Марк Тимофеевич имеет в виду арест Анны Ильиничны и Марии Ильиничны.

В ночь с 7 на 8 мая 1912 года жандармы ворвались в квартиру Ульяновых, произвели обыск и арестовали сестер Ленина. Анну Ильиничну за недостаточностью улик освободили. Но пережить ей, конечно, пришлось немало.

Автор письма волнуется за судьбу Марии Ильиничны: «Что известно о Мане?» Это имя в письме жандармский офицер подчеркнул красным карандашом. Охранка дозналась, что Мария Ильинична была руководителем Саратовской нелегальной большевистской организации. Ее еще долго томили в застенке, потом сослали на Север, в Вологду.

В письме упоминается «мама» и «маменька». Мама — это мать Ленина, теща Марка Тимофеевича, Мария Александровна Ульянова. Маменька — мать Марка Тимофеевича.

«Остальные все ребята с Надей» — имеется в виду Надежда Павлова Елизарова, по мужу Кузьмина, со своими детьми — Володей, Павлом, Борисом и Шурой.

В письме еще названа Надя, которая училась тогда в Саратовской гимназии. Это Надежда Илларионовна Голубятникова, племянница Марка Тимофеевича. Ей посчастливилось долгое время жить в семье Ульяновых. Бестужевка — родное село Елизаровых. Пташкин — возможно, сослуживец или клиент М. Т. Елизарова, который работал тогда

страховым агентом. Но почему в начале письма говорится о Пташкиных? Кто они? Это надо выяснить. Некоторые имена пока расшифровать не удалось. Особо хочется выделить фразу в письме, где автор, Марк Тимофеевич Елизаров, пишет о «вредности» для него «саратовского климата». Здесь речь, конечно же, не о природных условиях. Много лет спустя, вспоминая об аресте в Саратове в ночь с 7 на 8 мая 1912 года, Анна Ильинична писала: «Был дан приказ об аресте, — независимо от результатов обыска, всех нас троих, живших тогда вместе: сестры, меня и мужа моего, Марка Тимофеевича... Уже жизнь вместе была достаточна для ареста... Кроме того, имел, конечно, значение и факт постоянных сношений всех нас с Владимиром Ильичом».

Марка Тимофеевича тогда не арестовали: он был в командировке. Узнав о случившемся, он «продлил» себе командировку. Это письмо Марка Тимофеевича Анне Ильиничне до последнего времени не было известно. Я разыскал копию его, сделанную жандармами в Саратове, в госархиве. Что касается подлинника, то он еще не найден.

РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ

Долгие годы я разыскивал в архиве материалы о марксистском сборнике «Начало».

Еще до выхода в свет этого сборника в Саратовском губернском жандармском управлении в 1913 году завели «дело» на издателей. И как только сборник появился, его тут же конфисковали. А через несколько дней начальник Поволжского охранного отделения доносил в Петербург, в департамент полиции: «В Саратове издан марксистский сборник под названием «Начало». По просмотре его инспектором по делам печати сборник в количестве 300 экземпляров конфискован... Между тем, по имеющимся у меня совершенно секретным сведениям, «Начало», отпечатанное в гораздо большем числе экземпляров, чем представлено было инспектору по делам печати, рассылается в настоящее время в разные города».

Действительно, книга по тайным каналам попала в Астрахань, Киев, Москву, другие города.

В чем же усмотрела «крамолу» охранка? В сборнике были помещены очерки, статьи революционного содержания. Первый очерк, «Встречи и думы», в значительной части был посвящен В. И. Ленину. Его автор — Н. Владимиров создал, видимо, первый литературный портрет Владимира Ильича.

Вскоре саратовский сборник пересек все кордоны и лег на рабочий стол Ленина, жившего тогда в Кракове.

Несколько лет назад, в 1978 году, я рассказал на страницах журнала «Наука и жизнь» о найденных мною в архиве материалах, которые по-

могли воссоздать историю рождения и распространения сборника «Начало». Среди обнаруженных документов — любопытное послание из Москвы на имя одного из издателей сборника, М. Непряхина:

«3 января 1914 года. Дорогой Миша! Хотя я и сухой человек, превращающий всю свою внутреннюю жизнь в мысль и действие, но всегда ценю порывы других. Книга, признаюсь, вышла хорошая».

Вскоре после публикации статьи о марксистском сборнике я получил письмо. Не вскрывая его, обратил внимание на обратный адрес: «Москва, ул. Киевская, 24, М. Г. Непряхину». Я опешил: неужто тот самый? Сколько ж ему лет? Почерк неровный, дрожащий, старческий. С волнением вскрываю конверт.

М. Г. Непряхин писал: «Это я вместе с Павлом Гурьевым издавал «Начало». Происходило это 66 лет назад. Издание такого сборника было делом очень сложным. Но не успел наш сборник увидеть свет, как власти конфисковали его. Все же большую часть отпечатанных книг мы утаили, спасли. Да, дело было боевое, молодое! Но думал ли кто-нибудь, что наш сборник попадет к Ленину! После издания сборника «Начало» меня привлекли к судебной ответственности. Теперь мне много лет. Благодарю за столь радостную для меня публикацию. Если вам случится быть в Москве — заходите».

М. Непряхин».

И вот я лечу в Москву к М. Г. Непряхину.

...Квартира в многоэтажном доме на Киевской улице. Дверь открывает старик с большой окладистой бородой, белыми усами. Глубоко запавшие глаза под седыми густыми бровями. Протягивает руку: «Михаил Георгиевич Непряхин».

Первое, на что я обратил внимание в комнате, — это старая фотография в рамке.

В центре — Киров. Он и его соратники сняты на фоне карты Южного фронта. Снимок-подлинник! Снимок-реликвия! Внизу вытиснены фамилия фотографа и «Астрахань». Киров в Астрахани! Сразу же вспомнилось хрестоматийное: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским». О, с каким чувством повторял я еще в школе эти кировские слова! Когда я сказал об этом Непряхину, он деликатно спросил:

— А знаешь ли ты, когда Мироныч произнес эту фразу?

— В речи 3 августа девятнадцатого года на Астраханской городской партконференции, — выпалил я.

— Верно. А перед тобой один из тех, кто слушал эту речь.

— Вы знали Кирова?!

— Мы часто встречались. Приходилось и работать, что называется, бок о бок. Фотография эта сделана в 1920 году. А Мироныч приехал к нам в Астрахань в январе девятнадцатого.

— Простите, а ведь вы, Михаил Георгиевич, саратовский. Я в архиве ваши старые документы нашел. Вы родились в Саратове, там долго жили.

— Справедливо. Но в первую русскую революцию жил в Астрахани, был членом тамошней социал-демократической организации. Потом уехал, а в семнадцатом снова вернулся в Астрахань. В восемнадцатом участвовал здесь в борьбе за Советскую власть, заведовал культпросветотделом губернского совета профсоюзов.

Мой собеседник встал, медленно зашагал по комнате.

— Сейчас мне 91 год. А тогда в Астрахани было чуть больше тридцати. Мироныч на год старше меня. Так что мы почти ровесники. Первый раз мы с ним встретились, кажется, в губкоме партии. Я слышал, что он прислан к нам Лениным, Центральным Комитетом партии. Мироныч оказался человеком на редкость скромным, спокойным, деликатным. Роста невысокого, коренастый, плечистый, с небольшой бородкой. Потом, незадолго до отъезда из Астрахани, он ее сбрил. Мироныч быстро завоевал глубочайшее уважение многих волжан. У него было сильное оружие — слово! Как он говорил! Как умел убедить, увлечь! Настоящий трибун! Трибун революции. Кажется, не было ни одного собрания, митинга, где бы он не выступал! И всегда горячо, страстно! Мне посчастливилось выступать вместе с ним. Первый раз — на экстренном заседании правления профсоюзов. Тогда мы решили очень важный вопрос — о создании рабочих батальонов для защиты Астрахани. Второй раз — на общегородском делегатском собрании женщин-работниц. Мироныч призвал женщин бороться за светлое будущее, вступать в ряды защитников революции. Об этом же говорил и я.

В феврале девятнадцатого был организован Временный военно-революционный комитет Астраханского края во главе с Кировым. Этот комитет стал высшим органом власти в губернии. Скажу без преувеличения: в ту пору от судьбы Астрахани во многом зависела судьба всей республики. На город нацелились интервенты, белогвардейцы. На подступах к нему были отряды астраханского казачьего войска. Оно было на стороне контрреволюции. Деникин и Колчак хотели соединиться на Нижней Волге и двинуться вверх по Волге на Москву. Астрахань называли воротами к нефти Баку и Грозного, к хлебным краям.

В самой Астрахани притаились эсеры, меньшевики, контрреволюционеры, выжидавшие момента для выступления. В городе не хватало хлеба, рабочие голодали. От недоедания начались болезни, эпидемии. Не было топлива, мыла. В селах вспыхивали кулацкие мятежи. А 10 марта враги подняли мятеж в городе. То был предательский удар в спину. Многие коммунисты погибли. Но мятеж удалось подавить.

«Приказываю беспощадно уничтожать белогвардейскую сволочь...» Этот приказ подписал председатель ВРК Киров.

Он был во главе обороны города. Был там, где всего труднее, опаснее. Я видел его в солдатских казармах, в окопах. Он летал на самолете, скакал на коне, ездил на машине. Но больше всего — пешком.

Тридцатого июня девятнадцатого года положение обострилось. Пал Царицын. Белогвардейцы вышли к Волге. Вторглись в наш Астрахань

ский край. Бои шли на обоих берегах Волги. Киров принимал в них непосредственное участие.

Враги понимали, что значит Киров для Астрахани. Сергей Миронович показывал мне письмо, полученное им от какого-то негодяя. Тот писал: «...если Кирова удастся убрать, судьба Астрахани будет решена». Готовилось убийство Кирова. Но заговор удалось раскрыть.

Все время, пока Киров был в нашем крае, он изо дня в день вел адскую, сверхчеловеческую работу. Я только диву давался: откуда столько энергии у человека! Он знал, чем живет каждый рабочий, крестьянин, рыбак, моряк, умел подойти к русскому, украинцу, татарину, азербайджанцу, армянину. Со всеми находил общий язык. Запомнилось мне выступление Кирова перед представителями национальных меньшинств. Просто, понятно разъяснял он ленинскую национальную политику. Просил слушателей помогать большевикам. Благодаря Кирову Астрахань стала крепостью на Волге.

Михаил Георгиевич делает большую паузу, тяжело, прерывисто дышит... Уходит в другую комнату и тут же возвращается, бережно неся в руках плотный листок бумаги.

— Это копия телеграммы, посланной Ленину 13 октября 1919 года. Подлинник — в Центральном партархиве, в фонде Ленина. Подписали ее Киров и я. Тогда я был губернским продкомиссаром. В самое трудное время Киров всегда обращался к Ленину. Так было и на этот раз.

«Астраханская губерния давно не получает... мануфактуры, обуви, других товаров, от чего население, особенно рабочие, бедствуют. Если губпродком имел доселе кое-какие ничтожные запасы, то они для армии, которая также ничего не получает, бедствует, хотя все время героически бьется на окружающих фронтах...

Убедительно просим... обратить внимание и посодействовать немедленно отправке Главпродуктом всех причитающихся нам товаров... За Астрахань стоим, как оборонялись, так и будем оборонять...»

На этой телеграмме Владимир Ильич написал записку наркому продовольствия А. Д. Цюрупе: «Что сделали? Закажите прислать мне проверку. Ленин».

Михаил Георгиевич еще долго рассказывал о Сергее Мироновиче, рассказал и историю памятной фотографии:

— Ее подарил мне соратник Кирова член Реввоенсовета 11-й армии Виссарион Мелхиседекович Квиркелия. На снимке он слева от Кирова. На обороте фото он поставил свой автограф: «Непряхину от В. Квиркелия 25.III». Год не указал, но я-то хорошо помню. Подарок сей получил в 1920 году. Справа от Кирова — Константин Александрович Мехоношин, старый большевик, участник Октябрьской революции. В 17-м году Мехоношин был заместителем наркома по военным делам. Во время защиты Астрахани председателем РВС Каспийско-Кавказского фронта, членом РВС 11-й армии. Мехоношин написал воспоминания о Кирове как о замечательном военачальнике. У меня долго хранилась газета за 1 декабря 1935 года со статьей Мехоношина. Он писал, что

с точки зрения военного искусства Астрахань считалась обреченным городом. План обороны города, составленный Кировым, — первый военный план, разработанный им.

ПОДВИГ МИЛОСЕРДИЯ

В 1923 году в 22-м номере «Огонька» была напечатана фотография большой группы детей. Это ребята, которые в 1921 году были эвакуированы из голодающего Поволжья в Чехословакию, а спустя два года вернулись домой, в Советский Союз. Я пошел по следам давнишнего снимка.

После долгих поисков в архивах мне попала синяя папка, на которой каллиграфическим почерком выведено: «Дети». И дата — «1921 год». В папке много документов. Мое внимание привлекли телеграммы с грифом: «Голодная». Во многих документах я прочел слово, давно исчезнувшее из нашего лексикона, — «Помгол».

В двадцать первом году почти пятая часть населения страны, 23 миллиона, голодала. Но в особенно тяжелом положении оказалось Поволжье. Ленин призвал весь народ прийти на помощь волжанам. «Пусть весь рабочий класс, как один человек, встанет, чтобы залечить тяжкую рану Поволжья», — писал Владимир Ильич.

В августе 1921 года В. И. Ленин обратился к международному пролетариату: «Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев».

Ленинский призыв встретил широкий отклик. Во многих странах развернулись кампании по сбору средств для голодающих Поволжья. Это движение пролетарской солидарности возглавили коммунистические партии. В Чехословакии было собрано 7,5 миллиона крон и на два миллиона крон продуктов. В газете «Руде право» 30 июля 1921 года было напечатано воззвание Компартии Чехословакии к трудящимся страны. В нем, в частности, говорилось:

«Докажите свою пролетарскую солидарность делами! Помочь может каждый! Помощь может быть оказана различными путями: сбором денег, хлеба, медикаментов, передач часового или дневного заработка голодающим рабочим и крестьянам, страдающим пролетарским детям... Помощь может быть оказана путем предоставления приюта детям русских рабочих и крестьян!»

Чехословацкие коммунисты предложили: пусть трудящиеся на год-два примут голодающих детей в свои семьи.

Вскоре правительство РСФСР решило эвакуировать в Чехословакию 600 детей из Поволжья. В договоре между правительствами РСФСР и Чехословакии, под которым стоит подпись председателя ВЦИК РСФСР М. И. Калинина, предусматривалось: «...Для наблюдения за

жизнью и воспитанием в Чехословакии эвакуированных русских детей Российское правительство назначает 3—4 представителей, которые образуют при Российской дипломатической миссии в Праге педагогическое бюро. Указанные представители пользуются правами членов дипломатической миссии, и, кроме того, ...им предоставляется право свободного, беспрепятственного передвижения по территории Чехословакии, право посещения школ и семей, где будут воспитываться эвакуированные дети. Педагогическое бюро выезжает в Чехословакию одновременно с эвакуированными детьми и в том же поезде. Дети эвакуируются на срок не менее одного года».

4 декабря 1921 года со станции Симбирск отошел поезд особого назначения. В Чехословакии ребят из голодающего Поволжья тепло встретили и сразу же разместили в Чехии, Моравии, Словакии.

В газете «Известия ВЦИК» в 1923 году была напечатана статья «Русские дети в Чехословакии». Вот строки из этой статьи: «По прибытии из России... после ряда воззваний в чешских газетах дети были розданы опекунам, т. е. гражданам Чехословакии, изъявившим согласие принять на содержание русских детей. Большинство из опекунов — 40 процентов — крестьяне, учителей 6 процентов, остальные рабочие... лица свободных профессий и т. д.

...По заявлению детей, отношение опекунов к ним было самое хорошее. Сами же опекуны характеризовали свое отношение к детям «как к собственным». В изучении чешского языка русские дети проявили исключительную способность, через два месяца после прибытия уже говорили великолепно».

Ребята возвращались на Родину группами. Первая — в 1923 году, вторая — через год, третья — еще два года спустя. На огоньковском снимке запечатлена первая группа ребят, вернувшихся из Чехословакии.

Мамичка и другие

В списке детей, эвакуированных в Чехословакию, под № 91 значилась «Милонова Тоня, 13 лет». Рядом ее брат — «Милонов Сережа, 11 лет».

Антонину Захаровну Милонову я разыскал в Москве. Вместе с ней мы рассматривали старые снимки из семейного архива и обнаружили там снимок, запечатлевший Тоню и Сережу в двадцать первом, накануне отъезда из Симбирска. Вот что рассказывает Антонина Захаровна:

— В Чехословакии мы с Сережей жили в небольшом городке Рошице. Жили у разных людей. Меня приютила крестьянская семья. Хозяин давно умер, и главой семьи была пожилая женщина, Мария, добрая, ласковая. Она заменила мне маму, я ее так и называла — мамичка.

Когда я переступила порог дома Кроуновых, меня встретил старший сын мамички — Ярослав. Широко улыбаясь, он по-русски спросил:

— Русские блины любишь? Хочешь, испеку?

— А вы знаете наш язык? — спросила я.

Он ответил, что еще в 1916 году, в первую мировую войну, попал в плен, жил у нас в русской деревне, крестьяне к нему хорошо относились, угощали блинами и научили их печь.

В школе, где я училась, у некоторых ребят родители были членами Коммунистической партии Чехословакии. Они очень гордились этим, расспрашивали меня о нашей жизни.

Однажды в Росице приехали артисты из Советского Союза. Мамичка взяла меня с собой на концерт. Артисты исполняли русские народные песни. После концерта я всю ночь не спала, потянуло домой.

В 1923 году я вернулась в Симбирск — провожало меня все семейство Кроуповых, им очень не хотелось расставаться со мной.

В Симбирске я окончила среднюю школу. Позднее поехала в Москву, где получила педагогическое образование. С тех пор и живу постоянно в Москве. Теперь я уже бабушка.

Мой брат Сергей стал специалистом по лесному делу. Работал далеко, на Севере, в глухих, таежных лесах. В Отечественную войну с боями прошел Украину, Белоруссию, освобождал города и села Чехословакии. К сожалению, он не дожил до наших дней...

Не так давно Национальный комитет Росице пригласил меня в гости. Встречали тепло, как родную, встречали все Кроуповы, все жители городка. Увы, бабичку, мамичку, ее старшего сына Ярослав я не застала в живых.

Я побывала в Росице на кладбище, где похоронены советские воины, погибшие при освобождении городка от фашистов в 1945 году. Там всегда лежат живые цветы.

Целый день я ходила по городку — узнавала и не узнавала его. На горе рядом со старым школьным зданием — новый корпус школы-девятилетки. Построены Дворец культуры, стекольный завод, большая пекарня. Когда я шла по Росице, ко мне подходили пожилые люди: они помнили русскую девочку с Волги.

«Я была восьмой в семье»

В Ульяновске я нашел Валентину Яковлевну Шепелеву. Она прислала мне свои воспоминания:

«В 1921 году мама после долгих раздумий, сомнений дала согласие на мою поездку. В семье нашей было трое детей, причем самый младший брат родился вскоре после смерти отца. Матери тогда было чуть больше 20 лет. Нелегко было молодой вдове в голодный год прокормить троих детей да еще старушку мать. Вот и согласилась она скрепя сердце отпустить меня в дальний путь.

Но перед самым отходом поезда произошел курьез. Какие-то знакомые убедили ее, что я могу не вернуться домой. Она приехала на вокзал и тихонько взяла меня из вагона. Но буквально за пять минут до отпра-

вления поезда воспитательница спохватилась и увидела, что меня нет. Кинулась искать и обнаружила меня в санях, рядом с вагоном. Подбежала к матери, стала уговаривать ее отпустить дочку, заверяла, что со мной ничего не случится, что я вернусь благополучно домой. И мать со слезами на глазах решилась (теперь уже окончательно) на мой отъезд.

Вот так я и уехала в далекие края. Нас было много, и у всех — детский интерес, куда же нас везут. Говорили, туда, где кушать можно будет досыта. В Чехословакии нас встречали с музыкой, цветами. Через несколько дней я стала жить в рабочей семье, в поселке Лизны. Семья эта была большая — 7 человек, но я, восьмая, оказалась не лишней. Фамилия их — Ондрачковы. Все трудоспособные члены семьи работали на текстильной фабрике в Брно.

Бабушка с дедушкой стали терпеливо учить меня говорить по-чешски. Когда научилась понимать чешский язык, меня отдали в школу.

Дедушка требовал от меня, чтобы я раз в неделю писала письма своей матери в Симбирск. Я подружилась с его дочерью Филой. Она ходила со мной в гости к своей подруге Марии Элиловой, которая хорошо знала русский язык.

Как-то дедушка Иосиф дал мне и Филе деньги и послал нас на базар — купить сласти. Продавец взял у Филы деньги и вручил ей кулек с конфетами, пряниками, потом дал мне конфеты, печенье, но деньги взять отказался.

— У русской девочки я не возьму ни одной кроны, — твердо сказал он.

Два года пролетели быстро. Когда я уезжала в Советский Союз, меня провожали все Ондрачковы.

С тех пор прошло много лет... Старшая моя дочь окончила сельхозинститут, была агрономом. Потом окончила Высшую партийную школу, сейчас — на партийной работе. Вторая дочь — технолог. А сын — мастер на стройке. У меня уже есть внуки. Я часто показываю им снимки дедушки Иосифа, Филы Ондрачковой, ее жениха, рассказываю про своих чешских друзей».

Пантато, панмамо, учитель Майстнер...

Среди тех, кто в 21-м году поехал в Чехословакию, был и Володя Лебедев. Вот рассказ Владимира Аполлосовича:

«В 1921 году я учился в Симбирске в школьном интернате в 4-м классе. Мне было 12 лет.

...В ноябре двадцать первого директор школьного интерната, на собрании сказал, что меня решили направить в Чехословакию, и просил известить об этом домашних.

Дома собрали семейный совет — присутствовали мать, она считалась главой семьи (отца мы потеряли давно), сестра Зина, тетя-учительница. Обсуждение было бурным. Чаша весов склонялась то в одну, то в дру-

гую сторону. Наконец, тетя-учительница поставила, что называется, вопрос ребром:

— Где ребенку будет лучше, в Симбирске в интернате или в Чехословакии?

Решили, что в Чехословакии, ибо там хоть будет есть досыта.

Собирал меня в дальний путь весь интернат. Школьные товарищи делились своими «сокровищами». Подарили мне перочинный ножик, восточную вышитую тюбетейку и большую меховую папаху, принадлежавшую, видимо, кому-то из красногвардейцев. Прощаясь, мать наказывала не болеть, не шалить, быть умником. Утешала себя и меня, что расстаемся всего на год. На границе мы пересели в чехословацкий поезд, дожидавшийся нас на путях. В каждом вагоне стояла большая корзина с яблоками, и каждый мог без спроса есть их. Нам дали провожатую — добродушную толстую чешку, которая по-русски ничего не понимала и на все наши ребячьи вопросы отвечала: «Цо то е?» (Что такое?). Я прильнул к окну: мимо пробегали леса, поля, аккуратно выкрашенные домики, подстриженные деревца.

Потом я пересел в другой поезд и, сойдя на одной из остановок, с провожатым пешком добрался до Дамборжице, небольшого села, лежащего недалеко от Брно, в расщелине между горами, в 6—8 километрах от шоссе дорог. Деревянные одноэтажные дома, покрытые черепицей красного цвета, стояли, тесно прижавшись друг к другу. Палисадников нет. Улицы покрыты булыжником. Тротуаров нет. Воду брали из колодцев. Кабачок, три лавки. Село расположено вдоль небольшой речушки, через которую перекинута два каменных мостика.

Я жил в семье Седлачека. Хозяин Изидор Седлачек был крестьянин лет сорока пяти, кряжистый, с залысинами. И фамилия у него крестьянская: Седлак — по-чешски — земледelec, крестьянин. Он ходил в поношенном, темном пиджаке, жилете, простых сапогах, курил папиросы, лишь по праздникам — сигареты. Я звал его — пантато, жену его звали Франциска. Я ее звал — панмамо. В семье было четверо детей: три дочери — Маржена, лет 15, Елена — 13 лет, она училась в гимназии, 8-летняя Франциска и маленький, трехлетний Иозеф.

Мои приемные родители — пантато и панмамо относились ко мне так же хорошо, как к родным детям. Я сразу же почувствовал себя полноправным членом семьи. Первое время молчал, так как не мог говорить по-чешски, а в семье никто не знал ни слова по-русски. А недели через две неожиданно заговорил.

Произошло это так. Во время обеда на вопрос пантаты, почему я мало ем, я ответил: «Не хцы» (Не хочу). И с тех пор стал говорить только по-чешски.

Изидор Седлачек, как я теперь думаю, арендовал небольшой клочок земли, так как каждый год семья обрабатывала новый участок. Я тоже помогал по хозяйству, ухаживал за скотом. У Седлачеков была корова, коза, куры, разводили они кроликов. Это была трудолюбивая крестьянская семья.

На второй день моего пребывания в Дамборжице пантато отвел меня в местную школу. Директор и педагоги советовались, в какой класс меня определить, они не знали уровня моих знаний. Наконец решили — в класс, соответствующий моему возрасту.

В этом классе мальчики и девочки сидели порознь. На уроках рисования занимались только мальчики, а девочки уходили в другую комнату, где шили, вязали, вышивали.

Учителем был пан Майетнер, худощавый человек среднего роста, светловолосый, лет 32, всегда со вкусом одетый, подтянутый.

Майетнер хорошо владел русским языком. Мы часто подолгу беседовали. Он преподавал историю, географию, арифметику, чешский, немецкий языки. Но особенно, мне кажется, любил историю. Он говорил, что вся история Чехословакии — это борьба за независимость, рассказывал о чешских национальных героях (Яне Жижке, Гусе).

Я успевал по всем предметам, но особенно хорошо по арифметике. Дома вся семья — пантато, панмамо, их дочери Маржена, Елена и Франциска радовались моему успеху.

Учитель относился ко мне доброжелательно, помогал чем мог. В одно из воскресений, играя с ребятами в лапту, я почувствовал сильную боль в правой руке. На уроке Майетнер спросил: «Володя, ты почему не пишешь?»

Увидев распухшую руку, он велел мне немедленно идти к сельскому фельдшеру. «Передай фельдшеру, что за лечение я заплачу сам», — сказал учитель.

Осенью 1924 года мне сообщили, что скоро я поеду домой. Школьные товарищи просили меня чаще писать им. Особенно об этом просил Карел Майер, с которым я дружил, мы с ним несколько лет переписывались. Накануне отъезда я сфотографировался со своим классом. Пантато дал мне на дорогу карманных денег, а панмамо приготовила кнедлики.

В Симбирск я приехал в воскресенье. Дома мать увидела меня и как закричит. Ноги у нее от волнения подкосились, и она села на лавку. На первых порах она меня не понимала: я разучился говорить по-русски. Но когда я восстановил свою родную речь, то на собрании в своем школьном интернате в присутствии сотен ребят сделал отчет о «заграничной командировке», которая продолжалась... 3 года...

После школы я окончил медицинский институт, стал врачом. Во время Великой Отечественной как военврач участвовал в сражениях под Сталинградом, на Курской дуге, в Яссо-Кишенивской операции. Стрелковая дивизия, в которой я был командиром медицинской роты медсанбата, была удостоена звания Гвардейской. Участвовал я и в освобождении Чехословакии, Австрии. В одном из боев был ранен, имею правительственные награды. Теперь на пенсии.

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ!

Несколько лет назад в Саратовском областном архиве был обнаружен снимок Карла Маркса. На его оборотной стороне написано:

Сарат. губерн. тюрьма.

Политическому

Федору Михайловичу Сенюшкину.

Здорово, друг!

Вот тебе Карл Маркс. Дойдет ли? Ведь у вас там строго и, пожалуй, не пропустят:

— Как — Карл Маркс!

Нельзя... Если, паче чаяния, дойдет, то мой привет и стихи Пушкина:

Оковы тяжкие падут,

Темницы рухнут — и свобода

Вас примет радостно у входа...

Стихи взяты из «Послания в Сибирь».

Подписи автора нет.

Подписать такой подарок своей фамилией в то время было рискованным делом. Естественно, что неизвестный друг не поставил свой автограф.

Эта фотография более полувека пролежала в объемистом деле царской охранки с пространном названием «О железнодорожных революционных организациях и состоявшемся 29 июля 1906 года съезде делегатов этих организаций».

Я решил выяснить, кто такой Федор Михайлович Сенюшкин, которому был адресован снимок.

В «Деле» сказано: «Федор Михайлович Сенюшкин — 21 года, бывший конторщик отдела счетоводства Рязано-Уральской железной дороги в слободе Покровской».

Имя Сенюшкина повторялось много раз. И всегда рядом с ним имена Александра Алексеевича Федорова, Григория Ефимовича Дронина, Гавриила Григорьевича Сушкина и других. Жандармы с педантичной аккуратностью изложили все обстоятельства, которые привели Ф. М. Сенюшкина и его товарищей в тюрьму.

Первый документ в «Деле» — телеграмма начальника Саратовского губернского жандармского управления, посланная 31 июля 1906 года в Петербург директору департамента полиции: «Минувшей ночью арестованы на острове по Волге у слободы Покровской 19 делегатов съезда от узловых пунктов Рязано-Уральской дороги. Взят богатый материал...»

Ответная телеграмма потребовала немедленно выслать «существенные данные отобранного материала»

Что же это такое, именуемое на канцелярском языке департамента полиции «существенными данными»?

Это материалы, которые жандармы отобрали во время ареста у делегатов конференции на Пономаревском острове. Здесь были печатная

«Программа Российской социал-демократической рабочей партии», извещение об объединенном съезде РСДРП, воззвание Центрального Комитета РСДРП «К пролетариату всей России», тетради, блокноты, краткие записи о составе конференции, порядке ее работы и о существе принятых решений. У одного из делегатов жандармы нашли полоску бумаги с оттиском штемпеля Московского комитета РСДРП. У слесаря из Ртищеве Константина Кузовлева было обнаружено письмо: «Уважаемый товарищ Ленья! 28 июля мы приехали в Саратов часов в 9 утра. Сегодня же вечером будем первый раз обсуждать и принимать все доклады, думаем, что раньше дней трех мы здесь не управимся. Хорошо, понятно бы, раньше. Когда кончится и если возможно будет, приедем и все вам расскажем. Пока. Ленья, держи все от всех в тайне... Константин Кузовлев и Александр Григорьев».

Начальник саратовского охранного отделения Мартынов в донесении от 1 августа 1906 года в департамент полиции так комментировал работу конференции:

«...Принимая во внимание, что согласно «Порядку дня» на обсуждение конференции предложены были явно преступного характера вопросы, как например, «конфискация оружия», «полная забастовка», «о конкретных мерах к прекращению движения и работы», «боевые дружины» и др., — что постановления конференции должны иметь обязательный характер для железнодорожных организованных служащих и что при успехе работ конференции таковая явится организацией, могущей создать планомерную противоправительственную борьбу на громадном протяжении линии Ряз. — Ур. ж. д., захватив, таким образом, большой район, — я решил арестовать конференцию на месте ее работы после первого же дня заседания».

Глава саратовской охраны доложил департаменту полиции, что главным вдохновителем конференции является Григорий Дронин, «он выступал докладчиком»; Гавриил Сушкин — представитель Саратовского городского комитета, «на настоящей конференции был выбран председателем».

В конце своего письма ротмистр не без бахвальства писал:

«Арест конференции, помимо результативности обысков, должностяющих повлечь за собой привлечение в качестве обвиняемых в государственном преступлении участников ее, надо полагать, надолго расстроит организационную работу партии на линии Ряз. — Ур. ж. д.»

Но зря хвалился ротмистр. Прошло всего несколько дней, и документы конференции, отобранные у делегатов и надежно упрятанные в сейфах охраны, стали известны многим революционерам, нелегальным большевистским организациям. Делегаты конференции, находясь в тюрьме, по памяти восстановили решения конференции, а затем через надежных людей передавали их на волю.

После долгого следствия «пономаревцы» (так стали называть участников конференции на Пономаревском острове) были преданы суду. Документы процесса не удалось разыскать, пришлось просмотреть раз-

личные газеты и журналы того времени. Но ни в одной саратовской библиотеке, ни в одном архиве я не нашел нужных материалов. Наконец в Москве, в Ленинской библиотеке, мне попался «Вестник Саратовского отделения Императорского Русского технического общества» — журнал, давно ставший библиографической редкостью. В двух номерах «Вестника» я нашел подробный отчет о процессе. На всех заседаниях суда присутствовал корреспондент, который изложил ход процесса.

Подсудимые томились в тюрьме 9 месяцев, похудели, побледили. Из-за юридических формальностей председательствующий предложил слушание дела отложить еще на несколько месяцев.

От имени подсудимых к суду обратился Сушкин с просьбой не откладывать дела. Но суд, посоветовавшись, решил все же отложить слушание.

Тогда защитники, указывая на тяготы тюремного заключения, попросили изменить меру пресечения.

Защитник Мясоедов взволнованно произнес:

— Я прошу освободить подсудимых во имя гуманности и справедливости.

— Не горячитесь, говорите спокойнее, — заметил председатель Мясоедову.

Но тот взволнованно продолжал:

— Я не могу не горячиться там, где дело идет о жизни людей. Я не могу быть спокойным, когда тюрьма грозит могилой людям.

Но ни страстные речи защитника, ни доводы подсудимых, ни сочувственные просьбы публики — ничто не помогло. Сеньюшкина, Сушкина, Кузовлева, Дронина и других под конвоем отвели опять в тюрьму. Лишь спустя несколько месяцев дело пономаревцев слушалось снова.

На суде прокурор потрясал тоненькой брошюрой, найденной у революционеров. «Это крамольная книжка! — кричал он. — Тут прямо написано, что партия социал-демократов ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия». Адвокат Семенов, пытаясь хотя бы как-то разжалобить судей, заметил:

— Мечты о будущем у подсудимых разбиты.

Но не так думали сами подсудимые. И когда объявляли приговор, они, больные, вконец измученные, дружно рассмеялись.

Председатель суда опешил.

— Приговор не такой мягкий, чтобы можно было радоваться, — сказал он. — Ведь каждый из вас приговорен к лишению прав и состоянию, ссылке в Сибирь.

Но насмешливая улыбка не сходила с лиц подсудимых...

Как же сложилась судьба делегатов нелегальной конференции?

Я обратился в краеведческий музей города Энгельса (бывшая слобода Покровская), где некогда жил Федор Михайлович Сеньюшкин, которому был адресован снимок Карла Маркса. Краеведы просмотрели десятки самых различных материалов, собранных за много лет, но имени Сеньюшкина нигде не встретили.

Тогда я стал разыскивать товарищей Федора Михайловича. От библиографов узнал, что пономаревец Гавриил Григорьевич Сушкин в 20-х и начале 30-х годов сотрудничал в журнале бывших политкаторжан «Каторга и ссылка». В одном из номеров этого журнала прочитал воспоминания Сушкина о конференции на Пономаревском острове. В начале статьи он ставит вопрос: «Почему конференцию созвали саратовские социал-демократы?» И сам отвечает на него: «Прежде всего потому, что в комитете РСДРП железнодорожного района Саратова преобладали большевики, в огне революции 1905 года они получили хорошую закалку. В Саратове была самая большая организация, которая связывала все социал-демократические ячейки Рязано-Уральской дороги. А дорога эта проходила по территории нескольких губерний. От Москвы — через Павелец, Козлов, Тамбов, Саратов, Покровскую слободу до Уральска, с ветвями на Пензу, Смоленск, Балашов, Камышин...»

В воспоминаниях Сушкина много раз встречается имя Сенюшкина. Сушкин пишет, что идею провести конференцию на острове подал Сенюшкин и его земляки. Именно Федор Михайлович облюбовал для этого место, расположенное неподалеку от слободы. Он присутствовал на открытии конференции и на всех ее заседаниях. Через него осуществлялась связь делегатов с внешним миром. Сенюшкин проявил себя хорошим организатором, опытным конспиратором.

Сушкин вспоминает, как мужественно держался революционер на суде. Когда у Сенюшкина спросили, признает ли он себя виновным, Федор Михайлович ответил:

— Нет, виновным себя не признаю. Я вполне сознательно работал в рядах Российской социал-демократической рабочей партии.

Он хотел еще что-то добавить, но председатель суда, сухой, желчный старик, закричал:

— Довольно!

Обряженный в серый арестантский халат, Сенюшкин проделал долгий путь от Саратова до Иркутска. Просидел некоторое время в Иркутской пересыльной тюрьме, потом его вместе с другими узниками отвезли в село Усть-Уду. Там революционеров бросили на произвол судьбы.

В одном старом журнале я нашел статью о жизни ссыльных в Усть-Уде. Ее автор — сам Сенюшкин. Он подробно, обстоятельно описывает, чем занимались ссыльные в сибирской глуши. Нелегко им приходилось. Село Усть-Уда, расположенное при впадении реки Уды в Ангара, окружено дремучей тайгой, завалено снегом, отрезано от всего мира. Бывший конторщик Сенюшкин и его товарищи (а среди них были статистик, агроном, счетовод, учитель, т. е. люди умственного труда) очутились в трудном положении. О работе по специальности нечего было и мечтать, так как местное начальство категорически запретило принимать политических в казенные и волостные учреждения.

Чтобы не умереть с голоду, решено было организовать столярную и сапожную мастерские. Сенюшкин, другие ссыльные наловчились делать табуретки, столы, шкафы (правда, не ахти какие), стулья. Свою

продукцию они продавали крестьянам за самую минимальную цену. Мастерская одновременно была и местом собраний революционеров.

Кому-то пришла в голову идея построить нечто вроде примитивного заводика по выгонке соснового масла. Идея показалась хотя и дерзкой, но заманчивой. Начались споры, обсуждения, расчеты...

Весной на заработанные деньги купили котел, конусный чан, установили их в сосновом лесу, на обрывистом берегу Усть-Уды.

Операция по выгонке масла, в сущности, была очень проста. Ветки с молодых сосенок загружали в чан, который наглухо закрывался. Чан соединялся с котлом железной трубой. Потом пускали в котел пар, который распаривал хвою. Эфирные вещества попадали в медный змеевик, где охлаждались, а в особом сосуде появлялись капельки душистого соснового масла.

И вот состоялось торжественное открытие так называемого завода. Заранее оповестили всех крестьян, в назначенный час собралась целая толпа любопытных. Когда черные клубы дыма взметнулись высоко в небо, восторгам не было конца... Ссылные дружно запыли «Марсельезу».

Сосновое масло находило спрос: крестьяне охотно покупали его как лечебное средство. Федор Михайлович стал, было, надеяться, что со временем удастся оживить глухой край, пробудить спящую тайгу, широкую гладь Ангары. Хотелось крикнуть сумрачным сибирским чалдонам: «Видите, пришли к вам новые люди, начали новую жизнь!»

Но однажды в село нагрянули полицейские, предъявили ссылным обвинение в противоправительственной агитации среди крестьян. Революционерам приказали собрать пожитки. Ссылные поручили Сенюшкину продать «завод». Федор Михайлович обратился к местным лавочникам, долго уговаривал их, предлагал приспособить «завод» для бани. Но те наотрез отказались, полагая, что он достанется им бесплатно.

Снял Сенюшкин трубы, заколотил досками двери. С грустью покидал Усть-Уду. Тяжело было на душе от сознания, что за зиму «завод» растащат, что с новой весной в лесу не застучит топор, не взметнется над селом дымок...

«От первого опыта «организации промышленности» остались не сколько четвертой душистого... соснового масла», — писал Федор Михайлович.

Что сталося позднее с Сенюшкиным?

Снова поиски, поиски...

Как-то, просматривая книгу «Страницы славной истории», где собраны воспоминания первых правдистов, рядом с именами Н. К. Крупской, М. И. Калинина, К. С. Еремеева, Н. Г. Полетаева и М. С. Ольминского я встретил и имя рабочего-корреспондента Ф. М. Сенюшкина. Оказывается, Федор Михайлович из Усть-Уды поехал в село Черемхово, работал там на угольных копях, вел среди шахтеров революционную пропаганду. В октябре 1912 года в одном из номеров «Правды» была напечатана корреспонденция Сенюшкина. В ней говорилось, что близ Черемхово величаво стоит дом управляющего копейми, а кругом

разбросаны бедные лачуги рабочих, заработок которых — 1 руб. 40 коп. — 1 руб. 70 коп. в день при адской работе в мокрых забоях. В месяц же шахтеры зарабатывают в среднем 30 рублей, из которых нужно купить свечи в забой да дать десятнику взятку. Корреспонденция заканчивалась словами: «Пора бросить выпивку и играть в карты, пора перестать гнуть спину перед управляющим и давать на водку десятникам. Лучше в свободное время читать рабочие газеты да подумать об организации профессионального союза, благодаря которому только и можно улучшить условия труда».

В мае 1913 года газета «Правда» в трех номерах подряд напечатала большую статью из Черемхова за подписью «Неволин». Автор подробно рассказывал о стачке, вспыхнувшей среди углекопов, объяснял ее причины: низкая заработная плата, плохое оборудование, преступная небрежность администрации.

Хозяева копей вислопошились, стали разыскивать автора статьи Неволина. Они и не подозревали, что Неволин и конторщик копей Сенюшкин — одно и то же лицо.

Когда шахтеры вынудили хозяев пойти на некоторые уступки, Сенюшкин писал в «Правде», что успокаиваться рано; надо продолжать борьбу: «Рабочим нужны кассы взаимопомощи, профессиональные союзы, выборные старосты, нужно добиться восьмичасового рабочего дня и государственного страхования от несчастных случаев...»

В другой корреспонденции Федор Михайлович писал: «Только сами рабочие смогут помочь себе и, организовавшись, добиться лучшей жизни».

В 1913 году мой земляк уволился с копей. Ему на руки администрация выдала документ:

«Дано сие Федору Михайловичу Сенюшкину в том, что он, Сенюшкин, служил в конторе копей Русско-Азиатского Т-ва в качестве конторщика с 19 сентября 1911 года и по 13 сентября 1913 года, причем за все время своей службы отличался трудолюбием, добросовестным отношением к делу и ни в чем предосудительном замечен не был.

Уволился г. Сенюшкин по собственному желанию, что и удостоверяется надлежащими подписями и приложением печати копей».

На документе — гербовая марка с изображением царской короны.

А ведь именно в это время Неволин-Сенюшкин был активным работником «Правды», смело разоблачал бесправное положение рабочих на копиях. Видно, конспиратором он был отличным, если «ни в чем предосудительном замечен не был».

В 1913 году волжанин переехал из Черемхова в Иркутск.

Чтобы узнать подробнее об этом периоде жизни своего земляка, я запросил Иркутский областной архив. Его сотрудники разыскали личное дело Иркутской тюремной инспекции на имя Сенюшкина, из которого видно, что в Иркутске революционер прожил только один месяц, его выселили из губернского центра. Кроме этого, работники Иркутско-

го архива ничего нового не сообщили. Ничего не знали они и о дальнейшей судьбе Сенюшкина.

Прошло два года. И вот неожиданно я получаю телеграмму от директора Энгельсского музея: «Срочно приезжайте. Найдены неизвестные материалы о Сенюшкине».

Выяснилось, что студент-заочник Саратовского университета Б. Герасимов, ремонтируя свой дом, обнаружил в стене круглую печать с надписью: «Покровский районный комитет РСДРП» и флакончик с чернилами для тайнописи. А когда Герасимов разбирал потолочные перекрытия, то наткнулся на большой, плотно обернутый пакет. В нем оказались нелегальные большевистские газеты 1905—1906 годов, изданная Саратовским комитетом РСДРП брошюра «Социал-демократы и либералы», 23 прокламации Покровского комитета, протоколы нелегальных рабочих собраний. Герасимов обратил внимание, что во всех собраниях активно участвовал Сенюшкин. Студент дознался, что в этом доме некогда находилась штаб-квартира Покровского комитета РСДРП, одним из руководителей которого был Федор Михайлович.

Позднее в архиве Сенюшкина я обнаружил его письма, адресованные жене:

«Здравствуй, моя Аня!

Посылаю тебе вид моря. Рад, что тебе понравилась первая открытка с морем. Показывай их Володе, пусть у него пробуждается чувство красоты и мечта о голубом море.

Твой Федя».

Эта весточка послана была из ссылки, из далекой Сибири. Почти все письма — с видами на море. Открытка с надписью: «Давай руку и пойдем!.. Пойдем в царство солнца и красоты, на простор голубого моря, — туда, где есть наслаждение творчеством и жизнь полна ярких красок...»

А это телеграмма, которую наш земляк послал жене из Иркутска после свержения самодержавия:

«Здоров. Крепко целую. Поздравляю новой свободной жизнью. Работаю Исполнительном комитете народа от железнодорожников с первых дней революции. Федор».

После Октябрьской революции Федор Михайлович живет в Москве. Его избирают членом ВЦИКа. Ему не раз доводилось встречаться с В. И. Лениным, А. В. Луначарским, М. И. Калининым.

В первые годы Советской власти видный деятель профсоюзного движения Федор Михайлович Сенюшкин занимался вопросами рабочего снабжения, выступал в прессе с глубокими, проблемными статьями о поднятии производительности труда на железных дорогах, о строительстве жилищ для рабочих. ВЦСПС издало его работу «Материальное снабжение рабочих».

В библиотеке В. И. Ленина в Кремле бережно хранится фундаментальный труд: «Профессиональное движение рабочих в России». Этот

труд выдержал несколько изданий. К изданию, вышедшему в советское время, предисловие написал Ф. М. Сенюшкин.

Мне удалось узнать о судьбе и других пономаревцев — товарищей Сенюшкина. Слесарь из Ртищева Константин Николаевич Кузовлев почти десять лет был в сибирской ссылке, работал землекопом, плотником, десятником на постройке железных дорог.

Летом 17-го года Кузовлев вернулся на родину. Принимал активное участие в установлении Советской власти в Ртищеве. С 1919 года он политический комиссар Подольской железной дороги. Потом работал в Наркомате путей сообщения. В конце 20-х годов Константин Николаевич тяжело заболел. Незадолго до смерти он говорил своему товарищу Г. Г. Сушкину:

— Хотелось бы, чтобы молодежь знала, как мы боролись. Это нашей молодежи очень нужно.

Кузовлев мечтал написать свои воспоминания, но не успел...

Не дожил до наших дней и пономареvec Хайкин — умер в ссылке. Во время гражданской войны умерли Агеев и Григорьев. В 30-х годах не стало Г. Г. Сушкина.

Долго ничего не удавалось выяснить о Григории Ефимовиче Дронине. В 1965 году я узнал: он живет в Москве. У меня было его фото 1906 года: молодое лицо, большие, красивые глаза, внимательный, сосредоточенный взгляд. Пышная шевелюра. Густые черные усы.

В особняке близ станции метро «Кировская» меня встретил человек с глубоко запавшими серыми глазами. От его пышной шевелюры не осталось и следа. Усы стали белыми-белыми. А вот взгляд чем-то напоминал прежнего Дронина — вдумчивый, сосредоточенный. Григорий Ефимович — один из старейших большевиков, член партии с 1903 года. Его, как и Сенюшкина, сослали в Сибирь. Он вел революционную работу в Красноярске, Иркутске, Новониколаевске (ныне Новосибирск). После революции вернулся в Саратов. Работал губернским продовольственным комиссаром. В январе девятнадцатого года саратовский губпродкомиссар Дронин был вызван на Всероссийское продовольственное совещание в Москву. Время тогда было очень трудное. В некоторых городах вместо хлеба по карточкам давали овес. На совещании комиссары обсуждали меры борьбы с голодом. Последнее заседание закончилось около полуночи. Но присутствующих попросили задержаться. В три часа ночи приехал В. И. Ленин. Он внимательно выслушал мнения комиссаров, сделал свои замечания, предложения. Эта ночная беседа навсегда запомнилась Григорию Ефимовичу. О ней он обстоятельно рассказал в своих воспоминаниях «В. И. Ленин советуется с продкомиссарами».

* * *

Напоследок еще раз вернусь к фотографии К. Маркса, обнаруженной в архиве. В начале очерка я писал, что пославший этот подарок не

указал своего имени. И вот сейчас, спустя 80 лет, мне удалось выяснить: фотографию Маркса в тюрьму послала Сенюшкину его жена-революционерка Анна Ивановна Потапова-Сенюшкина.

ЭНЕРГИЧНАЯ ПОСОБНИЦА

Пухлая, перевязанная тесемками, папка. На обложке четким каллиграфическим почерком выведено: «Ермакова Ольга Павловна». Еще несколько папок — белых, голубых, зеленых. И на каждой та же надпись. Они заведены в начале века.

Впервые имя Ермаковой я встретил в «Деле Саратовского розыскного отделения о Лидии Николаевне Недокуневой и друг.», имеющем подзаголовок — «Ученический нелегальный кружок».

«Дело» открывается препроводительной запиской директора департамента полиции начальнику Саратовского розыскного отделения. В ней сообщалось, что агентурным путем удалось перехватить письмо революционерки Лидии Недокуневой студенту Киевского политехнического института Ивану Полежаеву. Копия письма лежала в «Деле». Вот она: «Саратов, 31 октября 1902 г.

Сегодня роковой день: день моего вступления в жизнь... Но представь себе, с первых же шагов неудача. Прихожу в жандармское правление (предварительно переодевшись в Сонино платье, дома сказала, что иду в гимназию), там просят меня подождать с часок дежурного офицера, наконец, является и это светило. О, как они мне все противны показались, прошу у него разрешения на свидание с Коноваловым; он, не выслав даже швейцара, начинает допрашивать меня: кто я, как прихожусь Коновалову, а когда я сказала, что я его невеста, то последовало восклицание, недоверчивое «а»... и затем доклад начальнику правления. Тот, конечно, не разрешил, и мне сказали, что только тогда разрешат, когда Коновалов напишет просьбу и подтвердит, что я его невеста... 4 ноября будут судить наших демонстрантов, и вот если исход будет уж слишком возмутительным, то предполагается в виде протеста — демонстрация. В городе необыкновенное оживление. Масса разговоров по поводу многочисленных арестов. Из казарм почти никого не выпускают, так как нашли массу прокламаций и брошюр, одним словом, все находится в напряженном состоянии. Теперь-то даже моя помощь нужна, так как я могла бы быть посредницей между тюрьмой и волей... Жизнь моя пошла интересней гораздо, и все разное, интересное, захватывающее. Что мне читать, чтобы приехать не совсем дурочкой на курсы. Пиши скорее и больше обо всем. От Ольги привет».

«Недреманое жандармское око» старалось уследить едва ли не за каждым шагом всякого, чье имя упоминалось в переписке.

Вскоре охранка перехватила еще одно письмо Недокуневой Полежаеву: «Жизнь у меня теперь куда интереснее прошлогодней, чтения,

знакомства интересные (например, Коссович, Ашанина, Ройдинов, Коновалов, судимые за демонстрацию). Узнаю с каждым днем все новое, интересное, что при моей впечатлительности страшно на меня действует. Я опять увижусь в воскресенье с «женихом» своим. При первой нашей встрече мы с ним так хорошо поговорили; он был страшно рад, что и барышни просыпаются. При прощании он вдруг взял да и поцеловал меня, так как здесь все прощаются с «невестой» Коновалова, и можешь себе представить, что со мной сделалось. В следующий раз попрошу его не злоупотреблять своим правом. Несчастный, он уже вот четыре месяца никого не видит, он совсем еще мальчик, хотя развитой и умный. Ольга тоже скоро делается «невестой».

Оканчивалось письмо, как и первое: «От Оли привет». Комментируя его, жандармский офицер в одном из донесений в столицу писал: «... Недокунева сообщает, что приобрела интересные знакомства: Коссовича, Ашанину, Воеводина (а не Ройдинова), Коновалова». Как видим, офицер уточняет: фамилия одного из заключенных Воеводин, а не Ройдинов. «Задавшись целью быть посредницей между волей и тюрьмой, — продолжает офицер, — она исходатайствовала свидания с содержащимся в губернской тюрьме за распространение революционных изданий телеграфистом Николаем Коноваловым и, посещая его под видом «невесты», имела возможность встречаться в тюрьме с арестованными по делу демонстрации 5 мая Станиславом Игнатьевым Коссовичем, Еленой Николаевной Ашаниной и рабочим Петром Ивановичем Воеводиным».

Автор писем Лидия Недокунева уже была известна охранке. Агентов особо заинтересовала упоминавшаяся в каждом письме Ольга. Возможно было полагать, что она близкая подруга Недокуновой. Слово «Ольга» офицерская рука подчеркивала красным карандашом в каждом письме. Филерам поставили задачу: дознаться, кто она такая. И как можно быстрее.

И вот появилось донесение начальника Саратовского розыскного отделения. В конце декабря 1902 года он сообщал в Петербург директору департамента полиции: «Вследствие предложений Вашего превосходительства имею честь доложить, что за Лидией Недокуновой было учреждено секретное наблюдение, которым до настоящего времени установлено, что особо близкие отношения она поддерживает с Ольгой Павловной Ермаковой, которую называет в письме «Ольгой». По ее адресу Недокунева вела переписку с Полежаевым до 16 ноября, а затем Ольга Ермакова должна была по ее примеру сделаться «невестой» кого-либо из политических арестованных, почему Недокунева и дала новый адрес для переписки». Донесение дополнялось краткой справкой: «Оля — это есть подруга Недокуновой, ученица 2 класса 2 отдельной Мариинской женской гимназии Ольга Павловна Ермакова, 16 л., живущая в доме № 76 Смирнова по Большой Казачьей улице».

Так саратовская гимназистка впервые попала под надзор властей. Вслед за этим «посланием» начальник отделения отправил в Петербург в департамент полиции пространный дневник наблюдения за

Ольгой Ермаковой. Дневник сей и поныне вызывает улыбку. До чего же дотошно следили агенты за юной гимназисткой! Хочется привести хотя бы выдержку из дневника наблюдения за 1902 год: «29 декабря. Ермакова. В 12 часов дня наблюдаемая посетила Недокуневу, откуда последняя через 15 минут вышла. В 3 часа наблюдаемая была встречена вместе с Недокуневой на Ильинской улице, у обеих имелось по небольшому свертку; на углу Б. Казачьей и Ильинской улиц они расстались: Недокунева, передав свой сверток Ермаковой, направилась к своему дому, а наблюдаемая прошла со свертком домой. В 5 часов 20 минут наблюдаемая Ермакова снова вышла из дома и на короткое время посетила кондитерскую Фрей в доме 10 Бестужева по Немецкой улице, откуда возвратилась домой».

Охранка установила: Ольга Ермакова, Лидия Недокунева и другие учащиеся были членами нелегального кружка. Они собирались два раза в неделю, вместе читали нелегальную литературу, горячо, страстно обсуждали разные вопросы: почему социал-демократы являются принципиальными противниками террора, для чего рабочим необходимо вести борьбу не только экономическую, но и политическую. Руководила кружком Ольга Санина, член РСДРП, искровка, старшая сестра жены знаменитого Баумана — Капитолины Медведевой.

Однако с арестом кружковцев охранка не спешила. Наконец 19 марта 1903 года начальник розыскного отделения в пространном донесении директору департамента полиции, описав деятельность кружка (туда проник провокатор), заключал: «...на страстной неделе ввиду наступающих экзаменов... чтения должны прекратиться, почему мною предположено захватить участников кружка на одном из последних заседаний». Вернее было бы написать: не участников, а участниц — в кружке были только девушки.

Через десять дней в Петербург летит телеграмма: кружковцы схвачены, «отобрано значительное количество революционных рукописей и изданий», среди них — номера газеты «Искра», сборник революционных песен, речь демонстранта рабочего Петра Воеводина.

Когда непрошенные гости ворвались в квартиру Саниной, где собрался кружок, произошел любопытный эпизод. Да простит меня читатель, что обильно цитирую донесения шефа саратовской охранки, но я убежден: документ — лучше любого пересказа, самого эмоционального: «Санина, заметив вошедшую полицию, немедленно взяла со стола приготовленное к отправке закрытое письмо и разорвала его на мелкие клочки, по которым был восстановлен адрес: Москва, Знаменка, Малый Знаменский переулок, дом Мазина, кв. 26, Павел Павлович Ногин». При обыске у последнего были обнаружены «тенденциозные рукописи».

Брат известного большевика Виктора Павловича Ногина Павел Павлович был социал-демократом, большевиком, занимался транспортной нелегальной литературы. В феврале 1902 года арестован. В описываемое время находился под надзором полиции.

А что случилось с Ольгой Ермаковой? Как сложилась ее судьба в дальнейшем? Я посылал запросы в архивы, музеи, расспрашивал старожилов, копался в пожелтевших газетах, журналах, легальных и нелегальных, изданных некогда в России и за границей; перечитывал — в который раз! — воспоминания старых большевиков. Но мои усилия долгое время оставались тщетными.

Опять углубляюсь в «Дела» охраны: быть может, жандармы еще что-нибудь «подскажут». Одно донесение вызывает особое внимание — в нем имя Виктора Павловича Ногина:

«25 августа 1911 года.

Начальнику СГЖУ (Саратовского губернского жандармского управления).

Препровождая при сем на основании циркуляра Департамента Полиции от 29 января сего года фотографическую карточку Ермаковой, присовокупляю, что она по прибытии в г. Тулу поселилась в одной квартире с известным революционным деятелем Калязинским помещиком Виктором Павловичем Ногиным, жившим в Туле нелегально под фамилией Атясова, и, войдя через него в связь с лицами, принадлежащими к тульской организации РСДР партии, являлась энергичной пособницей в деле партийной работы.

Генерал-майор Иелита фон Вольский».

«Энергичная пособница». Ничего не скажешь, в двух словах — точная характеристика. Кому-кому, а охране хорошо было известно, что Виктор Павлович Ногин — член ЦК РСДРП, один из ближайших соратников В. И. Ленина.

Донесение генерал-майора навело меня на мысль: не стала ли Ермакова позднее Ногиной. Ведь жену В. П. Ногина звали Ольга Павловна. В музее Революции СССР выясняется: известная большевичка жена В. П. Ногина Ольга Павловна Ногина и моя землячка, саратовская революционерка Ольга Павловна Ермакова — одно и то же лицо.

И что особенно было тогда радостно: она здравствует.

Неподалеку от Кремля, за Москвой-рекой — огромное здание. Занимает чуть ли не целый квартал. Почти у каждого подъезда — мемориальные доски. Здесь жили старые большевики, ветераны партии, полководцы, писатели, ученые, видные общественные деятели. Сюда в 1968 году привел меня поиск, начатый в архиве. Я пытался «оживить» документ, а оказалось, жив человек, на которого некогда завели уйму документов.

И вот я в гостях у женщины, совсем седой, с усталым, но очень приветливым взглядом.

Протягиваю ей копии архивных бумаг.

— Здесь про вас.

— Про меня?

Ольга Павловна пробежала глазами страницы, воскликнула:

— Ой, батюшки! Надо же! — Торопливо начала читать. Прочитала раз и... стала перечитывать. Глаза ее загорелись, улыбка озарила лицо, она помолодела, повеселела, даже морщинки, густо усыпавшие лицо,

разбежались, разгладились. Мне показалось, она сразу, вмиг сбросила добрый десяток лет.

— Первый раз это вижу. Ой, как интересно!

«Дневник наблюдений» за юной Ольгой Ермаковой вызывает у Ольги Павловны Ногоиной и удивление, и возмущение, и гордость, и недоумение.

— Я ж девчонка была. А они, жандармы, все хотели углядеть. Как следили... А я, признаться, вовсе не знала, что за мной следят. И как! Мне ж семнадцать годков всего было. А ведь все правильно пишут. Скажите на милость... Шерлоки Холмсы какие!

Ольга Павловна говорит и улыбается. Улыбка ее — тихая, спокойная, сдержанная. Смотрю на нее и невольно сожалею, что я не кинооператор. Ибо никакие самые точные слова не в силах передать встречу старости с молодостью. Это была удивительная, необычная встреча, свидание девятидесятилетней старушки со своей собственной, давно отзвеневшей юностью.

Когда заходит речь о людях, чьи имена упоминаются в «Делах», Ольга Павловна сокрушенно машет руками, сетует:

— Все умерли. Я одна осталась. А вот бы собраться сейчас всем, помянуть прошлое...

Комментируя отдельные фразы, слова документов, она порой горячится, волнуется! Маленький штрих, деталь вызывают новые воспоминания. Оживает сама история.

По поводу первого документа — письма Лидии Недокуневой — Ольга Павловна замечает:

— Лидочка была моя подружка. Что волновало ее, волновало и меня. И я тоже становилась «невестой». Тут надо заметить, в своде тюремных правил было забавное: к заключенным могли приходить на свидание не только ближайшие родственники, но и невесты. Как же было этим не воспользоваться! Вот и становились мы неожиданно «невестами». Своего «жениха» мы могли и вовсе не знать. Некоторых и в глаза-то не видели. Но раз надо! Прикидывались влюбленными. Подчеркну: мы, «невесты», ходили, разумеется, только к тем, кто сидел «за политику». Политические — почти все они были молодые парни — пользовались у нас особой симпатией.

Не отрываясь от старых писем, Ольга Павловна произносит:

— Лидочка совсем не соблюдала конспирации. Разве можно так прямо? Вы только послушайте: «В городе необыкновенное оживление», «Из казарм почти никого не выпускают, так как нашли массу прокламаций», «Все находятся в напряженном состоянии». А знаете, что тогда произошло в Саратове? Лидочка пишет: 4 ноября будут судить наших демонстрантов. Тут надо пояснить: 5 мая 1902 года Саратов прямо-таки потрясла первомайская демонстрация. Это была первая политическая демонстрация в нашем городе и одна из первых в России. Рабочие открыто несли знамена по улицам. Об этом ленинская «Искра» даже писала. Газета сообщала: красные знамена развевались двадцать минут.

Ольга Павловна делает паузу, потом как-то особенно проникновенно говорит:

— Надо было жить в ту пору, чтобы понять, что значат эти двадцать минут! Будто сейчас вижу... О, как я, молоденькая гимназистка, завидовала знаменосцам! Их смелости, отваге! Это ж герои настоящие. Я своими глазами видела, как их жандармы разгоняли, как зверски с ними расправлялись. А они... Они, кажется, не боялись ничего на свете. Помню хорошо одного — Петра Воеводина. Он в письме Лидочки упоминается. Его и нынешняя молодежь знает. Он Герой Социалистического Труда, умер не так давно.

Моя собеседница то и дело задумывается, опускает голову, а я невольно припоминая слова пушкинского летописца: «Минувшее проходит предо мною, волнуясь как море-океан».

Уже прощаясь, Ольга Павловна спохватилась:

— Да, я про Лидочку не сказала. Эх, если б вы приехали годика на три раньше — она еще жива была. Лидочка хоть и была дочерью саратовского купца, ушла в революцию, что называется, с головой. Она на год раньше меня вступила в партию — в девятьсот пятом. После Октябрьской революции работала в печати, в тридцатых годах — в редакции газеты «Известия». До последних дней своих она не забывала меня: мы часто встречались. Представляю, как бы возмущилась Лидочка, узнав, что охранка совала нос чуть ли не в каждое ее письмо.

Вернувшись от Ольги Павловны, я принялся перечитывать учебники, сборники по истории революционного движения, истории партии. И старые, общеизвестные, хрестоматийные факты обретали новую окраску, облекались в плоть и кровь.

На следующий день рано утром я снова был у Ольги Павловны. Она, не торопясь, рассказывала:

«...После окончания Саратовской гимназии я еду в Петербург — учиться дальше. Поступаю на Высшие женские курсы, называвшиеся бестужевскими. Эти курсы были первым учебным заведением в России, где женщины могли получать высшее образование. Многие слушательницы участвовали в революционном движении. И еще как! На бестужевских курсах учились Н. К. Крупская, Анна Ильинична и Ольга Ильинична Ульяновы, Конкордия Самойлова.

Курсистки часто собирались на сходки, устраивали забастовки, демонстрации. По делу Лахтинской типографии, где печаталась одна из первых работ В. И. Ленина, было арестовано несколько бестужевок. Не случайно для господ в голубых мундирах само слово «бестужевка» стало синонимом слова «революционерка».

В 1904 году тогдашний директор курсов подал Николаю II всеподданнейший адрес — от имени преподавателей и слушательниц заверял царя-вешателя в преданности ему. Это страшно потрясло нас. Мы потребовали, чтобы директор публично отрекся от своего адреса. Но он отказался. Тогда мы, курсистки, устроили всеобщую забастовку. Охранка не могла нам этого простить. «Приметили» и меня. Исключили с курсов,

предложили покинуть столицу. Больше того: запретили поступать в другие высшие учебные заведения. Куда было деваться? Я поехала домой в Саратов».

Ольга Павловна встает с кресла, прохаживается неторопливо по комнате и так же неторопливо, спокойно рассказывает:

— В Саратове я попала на нелегальное собрание социал-демократов. Оно проходило осенью 1904 года за городом, в укромном местечке — на Кумысной поляне. Собралось человек сорок. Сколько было споров! Яростных, долгих, до хрипоты — между большевиками и меньшевиками. По вопросам программы, партийной тактики, борьбы. Я хоть и не состояла тогда в партии, жадно прислушивалась к выступлениям, репликам, стараясь всячески понять, вникнуть — что к чему. Разобраться мне, молодой девушке, было непросто.

В ту пору я мечтала о поездке за границу: хотелось быть врачом, а в России для меня двери высших учебных заведений были закрыты наглухо. И вот я, вчерашняя гимназистка, сама стала давать уроки гимназистам, чтобы заработать средства для поездки. Накопив немного денег, я выхлопотала заграничный паспорт. Но с поездкой пришлось повременить. Грянул девятый пятый год.

Весть о чудовищном злодеянии царизма 9 января пришла к нам 11-го утром. Негодование, возмущение охватило весь рабочий Саратов. 12 января остановились многие фабрики, заводы, а 13-го бастовали почти все рабочие. И что примечательно: забастовщики выдвигали прежде всего политические требования. Выступления рабочих руководили большевики. Помню волнующие митинги тех дней — в Парусиновской роще, на Дегтярной площади, на Соколовой горе, в фельдшерской школе. Ораторы разъясняли роль пролетариата в революции, необходимость свержения самодержавия.

Памятен мне и май пятого года. Тогда не удалось провести политическую демонстрацию, подобную той, что была на моих глазах в девятисот втором году. Полиция стояла на страже. Зато в Парусиновской роще прошел грандиозный митинг: присутствовали три тысячи человек с красными знаменами, пели революционные песни.

В Саратовской организации в ту пору были видные деятели партии — Георгий Ломов-Оппоков, Владимир Антонов-Саратовский. Я знала многих руководителей большевиков. Жорж — так мы звали Георгия Ипполитовича Ломова-Оппокова — был кумиром саратовской революционно настроенной молодежи. Он из семьи достаточной, его отец был директором Саратовского отделения Государственного банка. Мы ездили к Жоржу в имение отца в село Пристанное. Жорж организовывал революционно-марксистские кружки среди учащихся. В декабре пятого года, когда на улицах Саратова разгорелись настоящие бои с царскими опричниками, командовал боевой дружиной. Вместе с другими товарищами составлял тексты прокламаций, воззваний, листовок. Ну, а мы, рядовые участники революции, быстро овладев техникой, разномыслили листовки на mimeографах, гектографах, шли на заводы и фабрики — раз-

ясняли рабочим, что им делать, распространяли листовки, читали вслух большевистские журналы. Два миллиона экземпляров листовок, прокламаций выпустили саратовские большевики в пятом году. Эх, если бы вы видели, как действовало пламенное большевистское слово! Оно подняло настроение, звало на решительный бой.

Явки, конспирация, нелегальные квартиры... Сколько мы их сменили. Но и власти не дремали. Бывало, идешь — и чувствуешь за собой «хвост». Каждый день — аресты, аресты. Хозяин губернии — будущий премьер-министр саратовский губернатор Столыпин показал свой крутой нрав, издавал одно постановление за другим: о запрещении уличных сходок, собраний. Тюрьма была переполнена, а сколько людей погибло! Столыпин душил революцию своей губернаторской властной рукой.

Ольга Павловна еще долго рассказывает о соратниках по борьбе, припоминает живые подробности, детали. Я слушаю, и передо мной встают яркие колоритные фигуры большевиков — стойких, мужественных, убежденных людей. И еще я пытаюсь представить себе облик моей собеседницы в ту давнюю пору.

Что больше всего удивляет — необычайная скромность Ольги Павловны. Она, непосредственная участница событий, которые по праву стали достоянием истории, почти не говорит о себе, все больше — о своих товарищах по борьбе. А ведь в те январские, февральские, майские дни она недосыпала, недоедала, ежедневно, ежеминутно рисковала здоровьем, своим будущим, самой жизнью.

Летом пятого года Ольга Ермакова едет, как ей казалось, за тридевять земель — в Швейцарию, в Женеву. Что ждет ее? Она одна-одинешенька. А скоро, совсем скоро — чужбина. Чужая страна, незнакомый, чужой язык, непривычные нравы. А она в легком ситцевом платье, и в кармане — не кругленькая сумма. Но девушке девятнадцать. И потому она верит, надеется, что любые трудности преодолее, все мечты сбудутся. Она окончит университет, станет врачом.

Сойдя на перрон, Ольга прошла метров двадцать, опустила объемистый баул на землю, тяжело отдышалась. Растерянно оглядываясь по сторонам, пыталась сориентироваться. К ней подошел художавый парень в косоворотке, простеньком картузе. Лицо простое, открытое, нос чуть курносый. Заговорил — и Ольга услышала волжское оканье. Да это же свой, русский! Парень пояснил: тут, в Женеве, много русских — целая колония. Почти все обосновались на улице Каруж. Ее и зовут-то на русский лад — «Каружка». Узнав, что привело девушку в Женеву, парень подхватил ее баул и проводил до небольшого здания. «Это столовая Лепешинских. Здесь вам помогут. Наверняка!» — сказал он на прощание.

Столовая Лепешинских оказалась весьма любопытным, а вернее, очень важным заведением. Большевики Пантелеймон Николаевич и Ольга Борисовна Лепешинские добились у властей Женевы права на открытие столовой. Раздобыв с большим трудом средства, они сняли помещение — три комнаты. Маленькую комнату заняла семья Лепешинских, большая служила и столовой, и буфетом, и клубом, где проводи-

лись собрания женевской группы большевиков, устраивалось чтение рефератов, лекций, докладов. В смежной комнате размещались партийная библиотека и читальня. Эта столовая стала центром партийной жизни большевиков. А женевская группа большевиков во главе с В. И. Лениным была ядром всей партии.

Ольга Борисовна Лепешинская встретила юную волжанку тепло, сердечно, как родную. Приютила ее, помогла устроиться с жильем, посвятила во все тонкости эмигрантского быта.

Не было дня, чтобы в столовую не заходили большевики. Ольга не раз видела здесь Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича с женой Верой Михайловной Величкиной, Мартына Николаевича Лядова, Розалию Самойловну Землячку — соратников В. И. Ленина. Все чувствовали себя здесь как дома. Запросто заходили сюда и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Ольге Ермаковой посчастливилось частенько видеть вождя партии. И за обедом, и за шахматным столиком, и погруженным в чтение книги, и беседующим с товарищем.

В Женеве по инициативе Владимира Ильича еще осенью 1904 года организуется Кружок пропагандистов. Главным руководителем его становится Владимир Ильич. Цель — подготовка пропагандистских кадров для массовой работы в России. Занимались все в той же столовой Лепешинских.

Слушатели были разные, и окончившие лишь приходскую школу рабочие, и интеллигенты. Большинство же — студенты женевских вузов. Среди них — и студентка медицинского университета Ольга Ермакова.

— Сколько б лет ни минуло, никогда не забыть мне первого выступления Владимира Ильича перед нами, кружковцами. Я про Ленина слышалась еще в Саратове. После второго съезда РСДРП его имя часто произносилось на собраниях революционеров. Я читала некоторые его статьи, книги. Мне нравилось, как он ведет занятия. Его рассказ отличался глубиной анализа, смелостью мысли. И еще простотой изложения, ясностью. Всем было все понятно. «Таким и должен быть вождь революционного крыла рабочей партии», — невольно подумала я.

Одним из лекторов был Виктор Хлебников, молодой человек огромного роста, плечистый — великан настоящий. А лицо у него — доброе, красивая борода, густые усы, внимательный взгляд сквозь стекла пенсне. Он читал лекции интересно, увлеченно. Прошло два-три занятия, и Ольга узнала его настоящее имя — Ногин Виктор Павлович.

Ногин! Ольга уже слышала это имя. Но где? Силась вспомнить, перебирала события последних лет. Но, увы! И лишь через несколько дней вспомнила... Последнее занятие ученического кружка в Саратове мартовским вечером 1903 года, ворвавшиеся полицейские пытаются схватить листок бумаги на столе, но не успевают: Санина рвет его на мелкие кусочки и разбрасывает по полу. Множество мелких клочков бумаги густо усеяли пол. Полицейские становятся на корточки, ползая по полу, собирают бумажки — каждый клочок. Потом тщательно присо-

единают, склеивают слово к слову, букву к букве и, различив фамилию «Ногин», громко спрашивают: «Кто такой Ногин?» В ответ — молчание.

Но имеет ли Ногин-лектор какое-либо отношение к тому Ногину? Мало ли однофамильцев? И все же... Робкая, стеснительная, Ольга Ермакова долго не решалась спросить об этом у Виктора Павловича. А он интересовался своими слушателями, их жизнью, мечтами. Успел узнать, что милостивая круглолицая студентка — волжанка, что на родине она уже прослыла «неблагодарной».

После одного занятия Виктор Павлович подошел к девушке, спросил, как идут дела в университете. Нелегко, наверное, совмещать учебу на факультете с аккуратным посещением занятий в партийном кружке. Она густо покраснела. На вопросы отвечала невпопад. Потом стала рассказывать про случай с разорванным письмом.

— А-а-а... — Виктор Павлович улыбнулся, глаза за стеклами пенсне блеснули. — Я не слышал об этом. Но письмо адресовано, по всей видимости, моему брату — Павлу Павловичу. Он в Москве живет.

Ольга сразу повеселела: вот здорово! И вмиг расстояние между ним, лектором, и студенткой сократилось, появилось даже что-то обшее, связывающее. Так, во всяком случае, показалось девушке.

Шли дни, и она все больше и больше приглядывалась к этому рослому, удивительно спокойному человеку, проникалась к нему особой симпатией.

На собраниях в большевистском клубе всех волновало одно — революция в России. Огонь революции разгорался все ярче, сильнее. Большевики один за другим уезжали на родину. Не могла долго быть на чужбине и Ольга. Пришлось ей расстаться с университетом, отложить учебу.

Вскоре в Москве, в нелегальной большевистской организации Замоскворецкого района, появился новый пропагандист — Таня, слушательница Высших медицинских курсов Герье. Она вела два марксистских кружка на предприятиях Замоскворечья. Лишь немногие знали, что настоящее имя Тани — Ольга Ермакова. Она была уже образованной революционеркой. Сказывались и саратовский опыт, и женевский кружок, лекции В. И. Ленина, В. П. Ногина.

Немного времени спустя на одной из московских явок она встретилась со старым знакомым из Женевы — своим учителем Виктором Ногиним. С той поры они стали частенько встречаться. И не только по партийным делам.

...Год 1907-й. В Лондоне собирается V съезд российских социал-демократов. От московских большевиков на него едет Вершинин, он же Ногин. После Лондона он едет на Волгу, в Саратов. Там проводит летние каникулы студентка Ольга Ермакова. Как интересно рассказывал ей Ногин о В. И. Ленине, о большевистских депутатах Думы, о М. Горьком, о борьбе с меньшевиками. Ольга знала, что Виктора избрали членом Центрального Комитета партии, и, конечно же, гордилась этим.

Они катались на лодке по Волге, любовались великой рекой и мечтали, мечтали...

А через месяц Виктора арестовали в Москве.

— Я приходила к нему каждый день, — говорит Ольга Павловна. — Однажды, когда караульный на мгновение отлучился, через решетку полетела записка. От него, от Виктора. Я поднесла записочку к глазам и сразу почувствовала себя самым счастливым человеком на свете. Это было признание.

Есть такая поговорка: «Красивыми не были, а молодыми были». Ольга Ермакова и Виктор Ногин были и молодыми, и красивыми.

Очень досадно, что даже в лучших книгах о борцах за правое дело мало пишут об их личной жизни. Слов нет, революция была делом жизни этих людей. Ради нее они боролись, жестоко страдали, шли на эшафот. И все-таки большевики не были аскетами, фанатиками. Ничто человеческое им не было чуждо.

До наших дней сберегла Ольга Павловна письма — и свои, и Ногина. Я с жадностью стал их читать. После сухих жандармских дел они звучали точно стихи. Вот строчки из писем ссыльного Ольге Ермаковой в 1910 году:

«...Я постоянно вижу тебя, моя голубушка, вижу такой, какой ты была у меня на свидании... Хочется мне... встречи, хочется, чтобы ты повела за собой жизнь, полную счастья; я, понятно, хочу счастья не беспечального, без забот и трудностей, но я не могу не думать о том, как бы сделать твою жизнь более легкой и вместе с тем полной... *Твой В*».

«...Ты мне дала бодрость и силу, которой я давно хотел... ты дала мне возможность выпрямиться. Действительно, тот момент, который мы переживаем, — лучший в нашей жизни... Черпай силу и бодрость в том же источнике, в котором черпаю и я... Разлука... не может слоить нас. Она лишь закалит наши чувства».

— Когда я ходила к Виктору в тюрьму (а таких свиданий не счесть), я всегда носила ему цветы, — говорила Ольга Павловна.

Ногин провел в тюрьме и ссылке в общей сложности десять лет. Ермакову тоже не раз бросали в тюрьму, годами она находилась под гласным и негласным надзором полиции. Редко они были вместе! Короткие, порой мимолетные встречи. Да, мало было на их тернистом пути простых человеческих радостей.

...В начале 1910 года агентура перехватила письмо, посланное из Парижа в Саратов. Содержание его было чрезвычайно важным — в нем говорилось о партийных делах социал-демократов. Писал его, вероятно, видный большевик, который из понятных соображений предпочел остаться неизвестным.

«Париж, от 1 января 1910 года.

Нового пока сообщить вам могу очень немного. На днях слышал, что б-ки постановили передать в кассу ЦК довольно крупную сумму денег с целью сделать ЦК более самостоятельным. Как будут реагировать на это другие фракции — пока неизвестно. Прошлый раз я писал вам

о пропагандируемой б-ками конференцией. В ее пользу определенно высказался до сих пор только Плеханов со своей группой, но и то с оговорками, настаивая на том, чтобы ее созвал не ЦК, а особая комиссия. Б-ки на это, вероятно, не пойдут. Плеханов, высказываясь за конференцию, видит в ней элементы рабочего съезда. М-ки считают конференцию запоздавшей, но еще окончательно не высказываются против, выставив в то же время массу старых сплетен и грязи. Хочется верить, что все-таки более здоровое и живое возьмет верх над всей мутью».

Нетрудно догадаться, что «б-ки» — это большевики, а «м-ки» — меньшевики.

Письмо это заставило охранку вновь вспомнить о Ермаковой: на конспиротский стоял известный жандармам адрес: Саратов, Большая Казачья, № 100, Ольге Павловне Ермаковой.

Любопытно, что в сопроводительке к письму сотрудник департамента полиции отметил: «Ермакова только передаточный адрес». Как видим, тогда еще Ермакову не считали активным деятелем.

О значении, которое было придано этому письму, свидетельствует тот факт, что его положили в «Дело Поволжского охранного отделения с совершенно секретными документами».

Спустя несколько дней начальник Саратовского губернского жандармского управления донес начальнику Московского охранного отделения, что по справке адресного стола Ермакова 8 января выбыла в Москву и в последние шесть лет каких-либо неблагоприятных сведений о Ермаковой «во вверенное мне управление не поступало». «В 1902/3 годах, — добавляет он, — она находилась в сношениях с... Лидией Николаевной Недокуневой, входившей в состав образовавшегося в Саратове из среды учащейся молодежи революционного кружка, который затем был ликвидирован и члены его привлечены к дознанию».

В Москве Ермакову тщательно обыскивают, долго допрашивают, но она твердит одно: «Кто автор письма — не знаю, почему оно адресовано мне — не знаю. Это, видимо, недоразумение».

Послание из Парижа Ольге Павловне тогда так и не вручили. И когда сейчас, спустя семьдесят лет, я передал его, точнее копию, Ольге Павловне, она сразу воскликнула:

— Это Виктор писал! Точно! Он!

Как раз в те январские дни 1910 года В. П. Ногин был в Париже и участвовал в работе январского пленума ЦК РСДРП, проходившего в столице Франции. На этом пленуме В. И. Ленин и его сторонники добились осуждения ликвидаторов, тех, кто хотел ликвидировать боевую марксистскую партию пролетариата.

В найденном письме на имя Ермаковой речь идет о «пропагандируемой б-ками конференции». После ожесточенных споров, борьбы пленум признал необходимость общепартийной конференции.

И хотя в парижском письме по конспиративным соображениям многое недосказано, недоговорено, благодаря таким письмам, другим

документам с обстановкой в центральных органах партии знакомилась вся большевистская организация Саратова.

— В феврале одиннадцатого года мы поженились. Прожили вместе месяц в Туле. Я стала собираться в Москву — продолжать учебу. Вдруг к нам на квартиру, что мы снимали, поздно вечером нагрянули жандармы. Арестовали и меня, и мужа, — произносит Ольга Павловна. — Так закончился наш медовый месяц. Мы попали за решетку. Несколько месяцев томились в тюрьме. Потом Виктора Павловича сослали в Якутскую область на четыре года. Меня подвергли гласному надзору полиции на два года, выселили из Тулы.

Ольга едет в родной Саратов. На родине молодая женщина окружена далеко идущим вниманием полиции. Каждую неделю она обязана была являться в участок — отмечаться. Сохранилась анкета гласноподнадзорной. На вопрос «За что именно учрежден надзор полиции?» Ермакова ответила: «За принадлежность к Российской социал-демократической рабочей партии».

В Саратове Ермакова родила первенца — Володю. И это немедленно было зафиксировано в полицейских документах.

Виктор Павлович узнал о рождении сына на этапе, по пути в Сибирь. В каждой его весточке в Саратов — слова любви к сыну, к жене: «Милая, дорогая, хорошая Олечка! Сколько ты дала мне счастья, сколько тяжелого ты пережила из-за меня: за это я еще больше люблю тебя». «Оля, милая, годы уходят, а так хочется, чтобы это лучшее время прошло в совместной жизни». «Милый мой Владя, пройдет еще много времени, прежде чем я увижу его. Так хотелось бы, чтобы он придал тебе сил и не давал тебе падать духом».

Воспитание сына отнимало много времени, но Ольга продолжала упорно учиться, занималась самообразованием. Она по-прежнему мечтала стать врачом. Обратилась к властям с прошением — разрешить на несколько дней съездить в Москву, чтобы сдать экзамены экстерном.

Это прошение было «оставлено без последствий».

Лишь незадолго до революции Ермаковой-Ногиной удалось получить диплом врача.

— В один из октябрьских дней 17-го года я принимала больных в небольшой земской больнице села Сухарево под Москвой. Закончив прием, услышала: «Временное правительство низвергнуто, в Питере победили большевики». Я почувствовала себя на седьмом небе. Бросилась обнимать человека, сообщившего эту весть, — говорит Ольга Павловна. — А через несколько дней я получила телеграмму от известного врача-большевика, который вскоре стал первым наркомом здравоохранения — Николая Александровича Семашко. Он звал меня в Москву. Тогда положение было тяжелое. Многие врачи покинули больницы, саботировали. Пришлось с группой врачей-большевиков и ставших на сторону революции беспартийных работать в медицинских учреждениях. Саботаж длился недолго. Многие врачи осознали свою неправоту, вернулись в больницы, клиники.

В первые годы Советской власти очень популярным было слово — «Охматмлад». Расшифровывалось оно просто: охрана материнства и младенчества. Комсомольский поэт Ярослав Смеляков писал: «Теперь это, может, покажется странным, но мы записались оравой всей в могучее Общество личной охраны младенцев России и их матерей». Ольга Павловна Ногина руководила отделом Охматмлада по Москве и Московской губернии. Позднее она начальник Управления Охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения РСФСР.

— Никогда не забыть мне, как мы открывали наши первые детские ясли, — вспоминает Ольга Павловна. — Вместе со своими сослуживцами Кармановой и Сидович еду в Замоскворечье. Дорога скверная, трясет, холодно. А на душе радость, ликование. Едем открывать первые ясли для детей работников шелковой фабрики. Ясли помогут освободить женщину от бытовых хлопот, забот. Тогда был лозунг: «Здоровая мать — это счастье народа». Благодаря Ольге Павловне в Охматмлад постоянно шло пополнение. «Незабвенный билет Охматмлада» стал гордостью тысяч активистов.

Впоследствии Ольга Павловна Ногина — на посту главного врача Образцовой детской больницы в Москве. Она известна и как видный ученый: ряд лет работала в Академии медицинских наук СССР. Ногина — автор книги «Забота о матери и ребенке в СССР», которая издана на русском, английском, немецком, французском языках. Заслуженный врач РСФСР Ольга Павловна Ногина награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени и двумя «Знак Почета»...

Виктор Павлович Ногин считал за счастье иметь такую подругу жизни, как Ольга Павловна. Она была не только его другом, но и соратником, единомышленником. После его смерти в 1924 году она одна долгое время воспитывала детей, потом внуков, правнуков. Умерла Ольга Павловна на 93-м году жизни, в 1978 году. Всей своей жизнью, деятельностью она доказала, что по праву носила имя одного из ближайших сподвижников В. И. Ленина — В. П. Ногина.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо Ильича	3
Клад	8
Кто такая «Ел. Ив.»?	12
За подписью «Твой М.»	14
Рыцарь революции	16
Подвиг милосердия	20
Товарищ, верь!	26
Энергичная посьбница	34

Юрий Вениаминович ПЕСИКОВ

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ!

Репортажи журналиста-историка

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 14.08.87. Подписано к печати 26.10.87. А 00451. Формат 70 × 108'/11.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,32. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000. Изд. № 2398. Зак. № 1128.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● **Страхование от несчастных случаев** позволит Вам иметь дополнительное материальное обеспечение при наступлении определенных неблагоприятных событий, связанных с Вашим здоровьем. Госстрах выплатит застрахованному страховую сумму или часть ее, соответствующую степени утраты общей трудоспособности, полученной в результате производственной, бытовой, дорожной травмы и некоторых других событий, происшедших в период действия договора страхования.

● **Договоры страхования от несчастных случаев** заключаются на срок от 1 года до 5 лет с гражданами в возрасте от 16 лет, но не далее достижения ими 75-летнего возраста на момент окончания договора.

● **Минимальная страховая сумма** по договору 500 рублей.

● **Размер страховых взносов невелик**, зависит от профессии страхователя и составляет от 25 коп. до 1 руб. 20 коп. со 100 рублей страховой суммы при заключении договора на 1 год.

Госстрах РСФСР